

ЮРИЙ

СКУРАТОВ

КРЕМЛЁВСКИЕ ПОДРЯДЫ

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО ГЕНПРОКУРОРА

Юрий Скуратов

**Кремлевские подряды.
Последнее дело Генпрокурора**

«Алисторус»

2014

Скуратов Ю. И.

Кремлевские подряды. Последнее дело Генпрокурора /
Ю. И. Скуратов — «Алисторус», 2014

Юрий Ильич Скуратов был генеральным прокурором Российской Федерации в 1995 – 1999 гг. В 1998 году по указанию Скуратова Генпрокуратура начала расследование громких коррупционных скандалов, связанных непосредственно с Кремлем. После этого Скуратова отрешили от должности и начали против него уголовное дело. В своей книге Юрий Скуратов рассказывает о событиях, происходивших в России на рубеже тысячелетий, в то время, когда борьба за власть достигла своего апогея. Кроме того, читатель узнает, куда исчез многомиллиардный кредит МВФ, в чем суть «Рашенгейта», как был ограблен «Аэрофлот» – и многом другом. В основе книги лежат подлинные документы из архива Генпрокуратуры и личного архива автора. Названы имена всех виновных.

© Скуратов Ю. И., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1 В ЦКБ у Ельцина	9
Глава 2 «Мабетекс»: как все начиналось	14
Конверт из Швейцарии	14
Деликатное дело	18
Главный свидетель обвинения	23
Архив Туровера	31
Глава 3 Скелеты из кремлевских шкафов	36
На стройке века	36
Подрядчики по Кремлю	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Юрий Ильич Скуратов

Кремлевские подряды

Вместо предисловия

Вот и все. В конце апреля 2000 года окончательно завершился этап моей жизни, связанный с работой в Генеральной прокуратуре. Сложный, яркий, болезненный этап. Но я ни о чем не жалею.

Не жалею – потому, что совесть моя чиста. Потому, что я делал, что мог, чтобы Россия стала страной, где можно жить спокойно и достойно. Чтобы мою Родину не считали страной коррупционеров и преступников. Чтобы жили мы в нашей стране по законам, а не «по понятиям».

С тех пор как меня назначили на должность, писали и говорили обо мне всякое. Чаще – несправедливо и оскорбительно. Иногда – сочувственно. Но редко – объективно... Создавалось впечатление, что меня просто не хотят слышать. Расхожее мнение, постоянно поддерживаемое всеми СМИ, – дескать, Скуратов только обещает рассказать о коррупционерах во власти, но ничего не говорит – то ли боится, то ли сказать нечего.

Мне есть что сказать. Речь не идет о специально собранных досье на различных политических деятелей – я никогда этим не занимался. Мои знания – это материалы объективных расследований по конкретным делам, и я уже устал повторять, что информацию в полном объеме чаще всего можно давать в печать только после того, как расследование закончено и дело передано в суд. Закон должны соблюдать все без исключения.

Именно этот простой постулат я пытался внедрить в жизнь, когда был Генеральным прокурором.

Я пришел в Генеральную прокуратуру как сторонник Ельцина. Мало того, я считался человеком Ельцина – благодаря Свердловску (ныне Екатеринбург), сыгравшему большую роль и в его, и в моей биографии. Я вполне обдуманно согласился на должность Генерального прокурора, отнюдь не собираясь в будущем использовать ее для оппозиции власти. Тогда мне казалось, что я был частью этой власти, – а в известном смысле так и было, до тех пор, пока думал, что власть держится законом, и пытался призвать эту власть к ответственности, заставить ее соблюдать закон и порядок, а это стало для них полной неожиданностью.

Очевидно, обсуждая кандидатуру будущего Генерального прокурора, «серые кардиналы» из ельцинского окружения остановились на мне как на человеке в общем-то далеком от политических интриг и скандалов, занимающемся наукой, «книжечее», которым запросто можно будет руководить.

Просчитались. Они не знали меня: думали, что если у нас хорошо складываются отношения на службе и вне службы (почему бы им и не складываться? В быту я человек не конфликтный), то я буду жить по их правилам, принесу в жертву корректным отношениям свой профессиональный долг, то есть поберегу себя и свою карьеру. Наверное, на моем месте сами они так бы и сделали. Люди ведь, как правило, судят о других по себе.

Я продержался в должности Генерального прокурора три с половиной года. Сейчас многие удивляются – как? Даже в недавнем прошлом Президент России в бытность свою директором ФСБ задавал мне этот вопрос.

Немалую роль сыграло мое профессорское прошлое. Во многих газетах тогда писали обо мне как о будущем «тихом и послушном» Генеральном прокуроре, поэтому некоторое время ко мне приглядывались, присматривались, изучали...

Как сказал обо мне в одном из интервью мой бывший заместитель Михаил Борисович Катышев, Скуратов образца 1995 года и Скуратов сегодняшний отличаются друг от друга, и не только потому, что я стал жестче и лишился всяческих иллюзий, – я изменился и в профессиональном плане.

Когда я пришел в Генеральную прокуратуру, у меня за плечами было маловато «живого» опыта, я не знал многого в прокурорской работе – надо было восполнять пробелы. Ведь что значит провести крупное совещание по конкретному уголовному или арбитражному делу? Или по состоянию надзора в какой-то сфере? Я должен был не только выслушивать подчиненных, но и разбираться в теме, которую мы обсуждаем, до тонкостей, а по возможности знать больше. А чтобы знать больше, я должен в короткий срок «добрать» то, чем мои коллеги на практике занимались десятилетиями. Правда, у меня на руках был сильный козырь: в НИИ прокуратуры мы обобщали практику работы, и научную сторону я знал досконально.

Я тогда пропадал на работе с утра до ночи. Не все понимали, зачем такое усердие: один из моих заместителей, Александр Розанов, говорил, что задача начальника – общее руководство, а не копание в мелочах. Помню, я ему возразил, что это не мелочи: если я на совещании упрекаю людей, то должен точно знать, что поставленная перед ними задача выполнима.

Итак, поначалу я вел себя вроде бы «попослушно», ничем себя не проявлял. На самом деле я просто «входил» в работу. Потом мне становилось все труднее и труднее – в Кремле заподозрили, что я провожу независимую линию, и это не понравилось.

Громкие уголовные дела о коррупции в высших эшелонах власти возникли не сразу – это результат длительных наработок. Причем начало было столь незаметным, что никто не мог даже предположить такой оглушительный финал.

Первый звоночек был летом 1996-го – история с деньгами в коробке из-под ксероксной бумаги. Эту историю чуть позже я еще расскажу, а сейчас только отмечу, что действия президента и то, как я вынужден был вести себя, чуть не подорвали мою репутацию. Но тогда важнее всего для меня было сохранить только-только установившуюся стабильность в работе прокуратуры, и приходилось лавировать...

После истории с коробкой в окружении президента уловили, что Ельцин не обязательно в любом случае будет на моей стороне, и это развязало руки кремлевским деятелям. Потом меня предали некоторые мои заместители... А потом все пошло по пословице «Чем дальше в лес, тем больше дров». Чем упорнее мы работали, чем настойчивее старались раскрывать преступления, тем больше становилось людей, которым работа наша вставала поперек горла. Строго придерживаясь закона, я наживал себе все новых и новых врагов.

По многим уголовным делам позиция прокуратуры решительно не устраивала власти предрежащие – это дело «О захоронении царских останков», дело «О дефолте 17 августа 1998 года».

Очень сложная ситуация для меня как для Генерального прокурора возникла и тогда, когда из-за задержек заработной платы почти на всей территории России народ вышел на рельсы: бастующие стали перекрывать железнодорожные пути. С одной стороны, я понимал, что люди доведены до отчаяния, с другой – то, что они делали, было смертельно опасно для страны. Идут эшелоны с грузом стратегического назначения, с грузом, без которого встанут электростанции, домны, заводы, а их не пропускают... И я должен был возбуждать дела против тех, кто мешал продвижению грузов. Какую ответственность я брал на себя! Действия прокуратуры вызывали тогда в народе массовое недовольство. Но как же поступать иначе, если ты представляешь закон!

Нелегко было принимать решение и тогда, когда наши правители решили обменять чеченских бандитов, арестованных в Первомайске, на молоденьких ребят-омоновцев, попавших к чеченцам в плен. Они требовали, чтобы я прекратил дело и отдал чеченцев. Но это противозаконно, бандиты совершили преступления и должны были ответить за них перед судом.

И я сказал: «Если хотите, проводите это как политическое решение. Я как прокурор ничем помочь вам не могу».

В итоге выход был найден: Государственная дума приняла решение об амнистии. Хорошо это или плохо – ответить непросто. Но закон не был нарушен.

Прокурорская независимость в нашей стране дорого стоит. Я это почувствовал довольно быстро. С того времени, когда регулярно по средам у здания Генеральной прокуратуры стояли люди с плакатами: «Допой Скуратова!». Правда, потом выяснилось, что, отстояв положенное время, они шли расписываться в ведомости и получать за это деньги. Кто их нанял? Кому это было выгодно? Атому, кому наши расследования «прищемили хвост». И о них я тоже пишу в этой книге.

Кстати, откровенно могу сказать, что на возбуждении дел о коррупции я настаивал отчасти и из соображений личной безопасности. Любая деятельность прокурора поставлена в четкие процессуальные рамки. И если бы я по тому же «Мабетексу» не возбудил уголовное дело – вот тогда меня можно было бы также привлечь к ответственности.

Стоящие у власти меня решительно не понимали – в какой-то мере я стал жертвой невысокого уровня правового сознания российской правящей элиты вообще и президента Ельцина в частности.

С этой правовой безграмотностью мне приходилось бороться едва ли не с первых шагов в должности Генерального прокурора. Когда президент дает личные указания Генеральному прокурору по конкретному уголовному делу – это незаконно и недопустимо. Как тут быть? Воспользоваться услугами прессы – значит пойти на конфликт с президентом, а в нашем, по сути, авторитарном государстве это означало поставить крест на работе. Журналисты же частенько так описывали наши с ним встречи, что читатели и зрители новостных передач имели полное право считать – президент указывает Генеральному прокурору, что делать, а тот молча глотает указания. Но поверьте, не было так никогда! Да, мне приходилось лавировать, применять разные дипломатические уловки, но от закона по воле президента я ни разу (!) не отступил.

Хотя правовая безграмотность руководителей страны в общем-то понятна: трудно принять принципы демократии, если сознание насквозь пропитано авторитаризмом. У нас всегда соблюдалась жесткая вертикаль власти: тот, кто на вершине, всегда прав и может отдавать какие угодно указания и кому угодно.

Президент Ельцин напрочь игнорировал решения суда, решения Совета Федерации. Да ни в одной демократической стране президенту так вести себя бы не позволили!

Разделение властей Ельцин признавал на словах, но не на деле. Какое такое разделение? Он же – ПРЕЗИДЕНТ!

Через президентское «указное право», которым подменяли законы, решались многие важные государственные вопросы, находящиеся в компетенции законодательной власти. Например, приватизация – одна из самых криминальных страниц истории России – была проведена на основании указов президента.

У нашего президента помимо обычных полномочий, прописанных в Конституции (кстати, необычайно широких), есть еще и так называемые «скрытые полномочия»! Они основываются на общих формулировках типа «Президент – гарант того-то и того-то». А раз гарант – значит, делаю, что хочу! А ведь само понятие «полномочия» предполагает, что Президент может делать только то, что конкретно прописано в законе...

Независимая деятельность прокуратуры – а такой она должна быть в правовом и демократическом государстве – несовместима с философией хозяина страны, находящегося вне всяких правовых границ и рамок.

Вообще в нынешней России – коррумпированной, криминальной стране – нормальный, честный прокурор обречен. Если нет политической поддержки у Генпрокурора – его участь

незавидна. Это я понимал. Понимал, что дай мне Бог доработать хотя бы один обычный срок (Генеральные прокуроры назначаются на 5 лет), а скорее всего и одного не вытяну – слишком сильно противодействие: подготовят какую-нибудь провокацию, и чтобы свести на нет разворачивающееся вокруг коррупционеров расследование, устроят громкий скандал. Против меня...

Так и произошло.

Эта книга написана не для того, чтобы в чем-то оправдаться. С одной стороны, я надеюсь, что те потоки грязи, которые выливались на меня, все же меня не испачкали. С другой – не хочу себя идеализировать: я обычный человек, с достоинствами и недостатками, конечно, допустил ряд важных ошибок. Но поверьте мне, я искренне хотел честно исполнить свой служебный долг.

Эта книга писалась уже после того, как я покинул пост Генерального прокурора России. Поэтому я искренне благодарен Александру Хинштейну, Владимиру Иванидзе, Андрею Камакину, Игорю Королькову, Олегу Лурье, Георгию Рожнову и многим другим журналистам, чьи блестящие профессиональные расследования, на которые я ссылаюсь в тексте, стали важным дополнением начатого мною следствия по делу «Мабетекса» и ряда других сенсационных дел.

В основе этой книги не только мои воспоминания, но в первую очередь – документы: Генеральной прокуратуры России, прокуратуры Швейцарии, так или иначе касающиеся интересующей нас темы.

Эта книга – расширенная и дополненная версия уже изданного и хорошо принятого читателем другого моего труда под названием «Вариант дракона». Задача, которую я поставил перед собою в этот раз, – рассказать, чем жила и как работала прокуратура в те несколько последних месяцев, пока я еще исполнял обязанности Генерального прокурора. Отой борьбе, которую я вел, о тех несправедливостях, которые мне пришлось перенести, отстаивая свое, надеюсь, честное имя, когда я уже был отстранен.

И если кто-нибудь лет через десять-двадцать-тридцать заинтересуется жизнью России на рубеже тысячелетий, пусть судит об этом времени не только по газетным статьям – бабочкам-однодневкам, – но и по этой книге тоже.

Глава 1 В ЦКБ у Ельцина

Начать эту книгу я хочу с одного из самых драматических событий, нарушив тем самым хронологию и забежав далеко вперед.

Весна. Середина марта. Был ясный солнечный день – помню это прекрасно. Свежий, слегка морозный воздух и сверкающий на солнце таявший снег напоминали о скорой весне.

Но на душе было тяжело. Хотя, если подумать, поводов для тоски и грусти у меня в общем-то не было. Наоборот, буквально накануне, 17 марта, я одержал очень важную для себя победу. В тот день на заседании Совета Федерации обсуждался вопрос о моей отставке с поста Генерального прокурора России. Результаты голосования ошеломили не только тех, кто следил за развитием событий, но, честно говоря, и меня самого, готовившегося к худшему: 143 человека проголосовали против отставки и только шесть – за.

Буквально через несколько часов после этого решения мне сообщили, что на завтра, 18 марта, меня вызывает к себе президент.

И вот теперь я ехал к нему. В так называемую «кремлевскую больницу», куда Ельцин в очередной раз попал на лечение и откуда, из постели, «управлял» огромной страной.

В то утро к тяжелому чувству от предстоящей встречи с президентом присоединилось еще одно – гадливости и обиды.

Едва рассвело, мне позвонил Владимир Метелкин – генеральный директор нашего загородного комплекса на реке Истре, куда работники прокуратуры приезжали в свободное время отдохнуть или подлечиться. Он сообщил, что ночью по второму каналу телевидения показали пленку, на которой человек, похожий на Скуратова, занимался амурными делами с проститутками...

На душе сразу стало мерзко, противно. О существовании этой фальшивки я уже знал, понимал, что люди, изготовившие ее, не остановятся ни перед чем, но чтобы так, публично, на всю страну...

Звонок Метелкина светлых красок к настроению не добавил, но хорошо, что он предупредил меня и в случае чего эта «новость» не станет для меня неожиданной.

Резкий поворот с многорядной и шумной трассы на тихую неширокую дорожку, шлагбаум милицейского поста, и вот проглядывают сквозь еловые ветки корпуса кремлевской больницы. Уже перед входом вдруг ловлю себя на том, что думаю не о себе и даже не о предстоящем, наверняка тяжелом разговоре, а о президенте, о его роли в жизни страны.

Казалось бы, по главному своему предназначению он – гарант Конституции РФ и законности. Но, увы, этим гарантом президент наш оказался лишь на словах... Он не был гарантом ни в 1993 году, когда танки в упор расстреливали здание парламента, ни когда отправлял молодых солдат на бойню в Чечню. Он не был гарантом и весной 1996 года, когда во имя сохранения своей власти намеревался разогнать Государственную думу (об этом я еще расскажу), не был он им и в случае со мной. Выступая на стороне клеветников и шантажистов, президент фактически становился их сообщником... Как ни грустно, но в основе всей его деятельности лежало, к сожалению, одно – пренебрежение к закону, замешанное на сознательной вседозволенности: ему, как царю, можно все. Правда, и прокуратура не проявила в этом вопросе достаточной принципиальности.

Нелегкие мысли прервал резкий звонок мобильного телефона. Слышу голос знакомой журналистки из телекомпании НТВ:

– Юрий Ильич, извините, не могли бы вы прокомментировать ночной показ пленки по РТР?

В висках, пульсируя, застучала кровь. Едва сдерживаюсь, чтобы не выплеснуть из себя вдруг откуда-то появившуюся злость...

Странная сложилась ситуация с показом этой пленки. Решение Совета Федерации к тому времени уже состоялось, голосование известно: 143 против шести. Как говорится, комментарии излишни. По логике, показывать пленку надо было до заседания Совета Федерации, до голосования... Этот ночной показ!.. Что это – проявление бессильной злобы, страха? Да, скорее всего – страха! Значит, они боятся. И прежде всего разоблачений, уличения в воровстве, во взяточничестве, в том, что они ободрали страну, сделали людей нищими, а себя непомерно богатыми.

– Считаю, что это – форма давления в связи с расследованием крупного уголовного дела, – сказал я в трубку.

– Какого дела? – В голосе журналистки звучит нескрываемый интерес.

– Дело... – я задержал дыхание, решая, назвать или не назвать фирму, которой это касается напрямую. – Швейцарской фирмы «Мабетекс».

Так я впервые на всю страну назвал фирму, связанную преступными нитями с кремлевской верхушкой.

– Давление же на меня оказывают те, кто боится проводимого Генпрокуратурой расследования, – добавил я.

Сказать больше я ничего не мог, не имел права...

Двери лифта бесшумно раскрылись, и я поднялся на этаж, где находилась палата президента. Первый, кого я увидел, был Юрий Крапивин – начальник Федеральной службы охраны. Едва поздоровавшись, он затеял разговор о смене моей охраны. Дело в том, что Генеральный прокурор – один из восьми охраняемых государством лиц. В эту восьмерку входят сам президент, премьер-министр, председатели трех высших судов России – Верховного, Арбитражного и Конституционного, председатели двух палат парламента и Генеральный прокурор... Подобный разговор Крапивин вел со мной еще в феврале, но тогда я резко высказался против: мы начали расследовать дела, связанные с самыми могущественными людьми России, и смена привычной охраны могла оказаться чреватой самыми печальными последствиями.

Категорически против смены охраны я был и в этот раз.

– Юрий Васильевич, – сказал я ему достаточно резко, – я уже предупреждал вас, что если вы поменяете охрану, я объявлю об этом всенародно и выскажу свои соображения по поводу того, зачем вы это делаете. Вы этого хотите?

Лицо Крапивина сразу сделалось кислым, и он от меня отстал.

Следом в коридоре повстречался Якушкин. Пресс-секретарь Ельцина прошел мимо меня, не повернув головы и не поздоровавшись. От мелочности этого поступка стало ужасно неприятно. Впрочем, от человека, который столько лжет, утверждая, что президент работает по шестнадцать часов в сутки, вряд ли можно было ожидать чего-либо иного.

В палате-кабинете президента находились трое: сам Ельцин, тогдашний премьер-министр Примаков и Путин – в то время директор Федеральной службы безопасности и секретарь Совета безопасности. «Если президент руки не протянет, – я поступлю так же», – подумал я, вспомнив пресс-секретаря Якушкина. Ельцин приподнялся в кресле и поздоровался за руку.

На столе перед ним лежали видеокассета с приключениями «человека, похожего на генпрокурора», и тоненькая папка с материалами. Он ткнул пальцем в торец стола, где стоял стул. Сам он сидел за столом в центре, вертел в руке карандаш, нервно постукивая им по кассете. У стола, по обе стороны от Ельцина, сидели Примаков и, как-то странно ссутулившись, – Путин.

Несколько минут стояла мертвая тишина. За окном ярко светило солнце. Воздух был розовым, бодрящим, на подоконнике и ветках шебаршили птицы. Серебристо блестя, кружились мелкие снежинки.

Наконец Ельцин откинулся на спинку кресла, тяжело отдышался и произнес:

– Вы знаете, Юрий Ильич, я своей жене никогда не изменял...

Такое начало меня обескуражило, но не больше. Я понял:

говорить что-либо Борису Николаевичу, объяснять, доказывать, что кассета фальшивая, добыта неизвестно откуда, не может быть предметом официального обсуждения, совершенно бесполезно. Что по закону, фактически обвиняя меня, все они трое становятся соучастниками преступления.

И вдруг до меня, как сквозь вату, доходит голос президента:

– Впрочем, если вы напишете заявление об уходе, я распоряжусь, чтобы по телевизионным каналам трансляцию пленки прекратили.

А вот это уже был элементарный шантаж, откровенный и неприкрытый. Я молчал и смотрел на президента, краем глаза заметил, что Примаков и Путин с интересом наблюдают за мной: Путин – жестко, с неприятной ухмылкой, Примаков – сочувственно.

Итак, первая фраза президента прозвучала, вызвав в душе некий холод, но я молчу, жду, что будет дальше.

– В такой ситуации я работать с вами не намерен, – вновь произнес президент, – и не буду...

Я молчу, президент тоже замолчал.

– Борис Николаевич, вы знаете, кто собирается меня увольнять? – сказал я. – Коррупционеры. Те, кто проходят по делу «Мабетекса». – Я назвал несколько наиболее громких фамилий, фигурирующих в этом деле. – Скорее всего, это их работа.

– Нет, я с вами работать не буду, – упрямо повторил Ельцин.

Понимая, что я могу перехватить инициативу, в разговор включился Путин.

– Мы провели экспертизу, – сказал он, обращаясь к президенту, – кассета подлинная.

Не может того быть! Я даже растерялся от неожиданности. Как может быть подлинным то, чего никогда не было. Но больше поразило даже другое: ведь экспертизы проводятся в рамках уголовного дела... Но дела-то никакого нет. Уж Путин-то, будучи юристом, такие элементарные вещи должен был знать.

– Тут есть еще и финансовые злоупотребления, – добавил Ельцин.

Мне вдруг стало очень больно: я не то чтобы присвоить чей-нибудь рубль – я даже пачку скрепок не мог позволить себе унести с работы; если у меня их не было, то просил жену сходить в магазин. И вдруг такое несправедливое обвинение, удар под дых. Я почувствовал, что у меня даже голос дрогнул от возмущения и неверия в то, что я услышал:

– Борис Николаевич, я никогда не совершал никаких финансовых злоупотреблений. Никогда. Можете это проверить где угодно!

В разговор включился Примаков. Он говорил мягко, без нажима. Понимая всю подоплеку этой ситуации, он сочувствовал мне. Но он также понимал и другое: его пригласили для участия в этом разговоре специально, чтобы в будущем связать ему тем самым руки, не позволить встать на мою сторону.

Что меня больше всего удивило в этом разговоре? Не кассета. Фальшивка – она и есть фальшивка. Другое. Во-первых, игнорирование правовой стороны дела. Во-вторых, неуважительное отношение к Совету Федерации, его решению. Ведь вся эта разборка происходила на следующий день после его заседания, как противодействие тому, что уже случилось. В-третьих: нежелание «семьи» – людей, действующих за спиной президента, манипулирующих им, – дать мне возможность переговорить с ним один на один. Для этого и были подключены Примаков и Путин. Хотя я готовился к беседе наедине.

– Надо написать новое заявление об отставке, – безапелляционно объявил Ельцин.

– И чем же его мотивировать? Ведь Совет Федерации только что принял решение.

– Пусть это вас не беспокоит. Пройдет месяц... на следующем своем заседании они рассмотрят новое заявление...

– Но это же неуважение к Совету Федерации.

Ельцин в ответ только хмыкнул. Понятно, где он видит этот Совет Федерации. В комнате повисло тяжелое молчание. Решать надо было немедленно... Ясно было одно: любым путем необходимо выиграть время. Но как? Сейчас главным для меня было мнение лишь Примакова. Я всегда относился к этому человеку с огромным уважением, прислушивался к его советам. Что он скажет теперь? Но раз он находится здесь, то понятно что. И он сказал:

– Юрий Ильич, надо уйти. Ради интересов прокуратуры. Да и ради своих собственных интересов.

Да, нужно обязательно выиграть время. Это необходимо как воздух. Уже запланирован визит в Москву швейцарского Генпрокурора Карлы день Понте. Ее приезд наверняка позволит открыть в деле о кремлевских коррупционерах многие закрытые карты. Во всяком случае, я на это очень надеюсь. Да и вообще, нужно довести расследование по «Мабетексу» до такой стадии, когда это дело уже «развалить» будет невозможно.

– Хорошо, заявление я напишу. Следующее заседание Совета Федерации запланировано на шестое апреля. Если я напишу заявление сейчас, то произойдет утечка информации, прокуратура за это время просто развалится... – Я почувствовал тяжелый, непонимающий взгляд президента и пояснил свою мысль: – Я напишу заявление сейчас, но дату поставлю апрельскую, пятого апреля – самый канун заседания Совета Федерации.

– Ладно, датировать пятым апреля, – согласился президент.

Ход был правильный. Если бы я не написал заявление, то против меня наверняка были бы приняты резкие меры, вплоть до физического устранения – от киллерского выстрела до наезда на мою машину какого-нибудь огромного, груженного кирпичами грузовика, – эти методы освоены в совершенстве...

Так с 18 марта по 5 апреля я получил возможность действовать, довести до конца начатые дела, продвинуть вперед историю с «Мабетексом». В конце концов, люди должны знать, какое беззаконие творится на кремлевских холмах и как обходятся с теми, кто пытается этому противостоять.

Вялым движением президент подтолкнул в мою сторону чистый лист бумаги. Я уже достал из бокового кармана пиджака ручку, как внезапно лицо президента стало каким-то серым, он схватился за сердце, медленно приподнял другую руку, поморщился. Хрипло и тяжело дыша, он вышел из комнаты. Лица Примакова и Путина напряглись.

Минут через десять, потирая на предплечье место инъекции какого-то стимулятора, Ельцин вернулся и грузно опустился в кресло.

Я молча написал заявление и протянул его президенту. Примаков и Путин облегченно вздохнули.

Выйдя из больничного корпуса на улицу, я хотел было сразу сесть в машину и уехать – слишком уж мутно и противно мне было – но Примаков задержал меня:

– Юрий Ильич, вы знаете, я скоро тоже уйду. Работать уже не могу. Как только тронут моих замов – сразу уйду...

На душе стало немного легче. Создалось впечатление, что этими словами Примаков как бы пытался сгладить ситуацию, оправдаться. Я понимал, насколько ему неприятно – ведь он попал меж двух огней, – но должность его не позволяла сказать то, что он хотел сказать.

Выходит, и премьер тоже чувствует, как над его головой сгущаются тучи и плетется липкая паутина. Я молча пожал ему руку, сел в машину и поехал на работу, на Большую Дмитровку.

Я нашел в себе силы как ни в чем не бывало начать трудовой день. Я старался держаться, старался не подавать виду, что мне тяжело. Один Бог знает, чего мне это стоило!

Конечно, все были в курсе того, что произошло, многие видели ночью по телевизору скандальную видеопленку. Было очень тяжело... Ловить на себе косые взгляды и не иметь возможности объяснить, что все это ложь. И все же, при всей мерзости показанного, пленка эта имела один немаловажный для меня положительный момент: благодаря ей я прозрел, я по-настоящему увидел, кто есть кто среди тех, кто еще несколько дней назад называл себя моим другом. Я видел, как кое-кто из высокопоставленных особ, которые раньше первыми спешили поздороваться со мной, подобострастно улыбнуться, сейчас, проходя в полуметре от меня, совершенно меня не замечает. Видимо, считают – со мною покончено.

Но было и другое отношение, причем совершенно для меня неожиданное. Так, в прокуратуре меня поддерживали в основном рядовые сотрудники, с которыми я и знаком-то толком не был. Они меня подбадривали, когда я заходил в кабинеты, угощали – кто чаем, кто бутербродом, – и это было очень трогательно. А вот некоторые заместители мои – те самые, которых я лично назначил на эти места, которым повесил на погоны большие генеральские звезды, – все усилия бросили на спасение своих должностей, забыв, как выяснилось позднее, и о чести, и о совести. Справедливости ради – не все. Активно поддержал меня Михаил Катышев – один из лучших следователей России, принципиальнейший, хотя и жесткий человек. Он сразу сказал, что во всю эту гадость, которая развернулась вокруг меня, не верит, что понимает, кто и что за всем этим стоит. Что, как и прежде, что бы ни случилось, он будет меня поддерживать. Думаю, Катышев уже тогда отчетливо понимал, каким боком может выйти ему эта принципиальность. Так оно и оказалось: вскоре его от работы в Генпрокуратуре отстранили. С молчаливым сочувствием ко мне относились тогда Владимир Давыдов, Василий Колмогоров, Сабир Кехлеров...

Глава 2 «Мабетекс»: как все начиналось

Конверт из Швейцарии

Когда я пришел в Генпрокуратуру, то понял: если буду разбрасываться, хвататься за одно, другое, третье, как это довольно часто бывает у только что назначенных руководителей, работа просто-напросто съест меня. Надо было выбирать что-то главное, все остальное этому главному подчинить, распределить: это во второй ряд, это – в третий, это – в четвертый и так далее...

Я определил два основных направления в борьбе с преступностью: коррупцию и заказные убийства.

Примерно так же я размышлял и над схемой моих будущих международных контактов и поездок: мне очень не хотелось, чтобы поездки эти оказались впоследствии сумбурными и мало приносящими пользы. Как я понимал, одной из главных задач, стоявших перед Генеральной прокуратурой на тот момент (да и сейчас, впрочем), должна была стать тесно примыкающая к теме коррупции борьба с отмыванием доходов, добытых преступным путем, за счет вывоза капиталов из России.

Почему именно эту задачу я поставил для себя в ряду первоочередных, надеюсь, объяснять подробно не надо. Начиная с середины 90-х каждый год из страны происходит «утечка» колоссальных сумм, исчисляемых миллиардами долларов США. Это наши отечественные коррупционеры и махинаторы разного масштаба и пошиба при помощи всевозможных ухищрений – так, на «черный день», не выплачивая налоги и в обход законодательства, – перемещают за границу полученные жульническим путем деньги. Но это еще полбеды. Ведь деньги эти, уже «отмытые», иными словами – легализованные, как правило, в Россию уже никогда не возвращаются, а остаются в зарубежных банках, принося доход не нашей стране, а США, Швейцарии или каким-нибудь далеким Каймановым островам.

А в это время на тысячах российских предприятий и учреждений месяцами задерживается зарплата – нет денег. А тут еще подкатывает срок выплат зарубежных кредитов... И государству, чтобы выплатить набежавшие проценты, остается лишь «ужимать» всех остальных своих законопослушных граждан, отказывая им в повышении заслуженных пенсий, пособий, зарплат... Вернись эти потерянные для России капиталы обратно, и многих проблем, стоящих сегодня перед нашей страной, думаю, просто бы не существовало.

Анализ ситуации привел меня к выводу, что борьбу за возвращение нелегально вывезенных из России капиталов мы должны начинать со знакомства с офшорами, куда из-за их исключительно льготной налоговой политики в основном и стекались из России «грязные» доллары и фунты. Поэтому, для того чтобы на месте разобраться в конкретной ситуации, познакомиться и скоординировать наши действия с руководителями правоохранительных структур интересующих нас офшоров, я запланировал для себя и других работников Генпрокуратуры поездки на Кипр и в целый ряд других далеких и близких нам государств. Стояла в этом списке и Швейцария.

Вы спросите: при чем здесь Швейцария и офшор? Объяснение очень простое. Конечно, таких же налоговых льгот, как офшоры, Швейцария не дает. Но существует миф о том, что сверхпрочная тайна швейцарских банков соблюдается свято и незыблемо, причем должен сказать, что в принципе это соответствует истине. Банковская система этой страны престижна, она имеет многовековую историю и традиции. Вот поэтому-то многие наши бизнесмены, коммерсанты и высокопоставленные чиновники и стремятся поместить в банки Цюриха и других городов Швейцарии свои капиталы, открывая там многомиллионные валютные счета.

Занося Швейцарию в наш список, я исходил из того, что эта страна, по сути, тот же офшор. Здесь, на берегах Женевского озера, действует правовой режим, который позволяет любому желающему без проблем открывать счета, создавать финансовые структуры. Там легко проводятся финансовые операции, нет привычного для нас финансового контроля и проверок: откуда в банк поступили деньги и куда они будут впоследствии переведены. С другой стороны, Швейцария известна и тем, что ее правоохранительные органы не выполняют отдельные виды международных поручений. К примеру, если нарушение было связано с невыполнением налоговых законов, то Швейцария даже не будет рассматривать это международное поручение.

Поэтому планирование моей поездки в эту маленькую горную страну было для российской Генпрокуратуры вполне осознанным шагом, направленным на установление контактов со швейцарской правоохранительной системой.

* * *

В сентябре 1997 года я начал готовиться к поездке. Активно помогал нам в этом тогдашний посол России в Швейцарии Андрей Степанов. Помимо «утрашки» визовых и прочих чисто технических проблем он предоставил нам ночлег в посольском здании, много помогал советами как человек, довольно долго проживший в этой стране и хорошо знавший все тонкости ее обычаев и культуры. Правда, впоследствии, когда выяснилось, что его дочь является сотрудницей одной из структур «Мабетекса», отношение посла к приезжавшим в Швейцарию работникам Генеральной прокуратуры стало не столь любезным.

Первая моя поездка в Швейцарию была больше ознакомительной, чем деловой. Наша маленькая делегация состояла из трех работников прокуратуры. Кроме меня в нее входили прокурор Свердловской области Владислав Туйков и начальник одного из управлений Генеральной прокуратуры Георгий Смирнов. Как помню, швейцарцы встретили нас достаточно настороженно, и поначалу дальше каких-то официальных, казенных фраз разговор не шел. Они присматривались к нам, мы к ним, шло естественное «прощупывание» друг друга.

Тем не менее нам удалось познакомиться практически со всеми ключевыми фигурами швейцарской прокуратуры: с прокурором кантона Женева Бернаром Бертосса, прокурором кантона Тичино (со столицей в городе Лугано, где до сих пор находится штаб-квартира «Мабетекса») Жаком Дюкри, со следователем Даниэлем Дево и, конечно же, с госпожой Карлой дель Понте, Генеральным прокурором Швейцарии. Каждый из них впоследствии сыграет очень важную роль в начатом нами совместном расследовании.

Забегая вперед, могу сказать, что поездка наша в общем получилась очень удачной. Потихонечку лед отчужденности растаял, и в итоге нам удалось для столь короткого визита (он длился всего три дня) сделать довольно много: мы обсудили идею совместного меморандума, договорились о создании двусторонней рабочей группы по борьбе с отмыванием преступных доходов, с организованной преступностью и коррупцией. Важным было принятое нами решение о регулярном обмене информацией, о координировании совместных действий. Ну а для того, чтобы отношения между прокуратурами наших стран развивались по восходящей, на весну 1998 года был запланирован приезд в Россию госпожи дель Понте.

Вернувшись домой, мы обсудили итоги поездки и признали «швейцарское направление» для дальнейшей работы очень перспективным. Поэтому абсолютно естественным было наше желание и стремление не ударить в грязь лицом, когда в мае 1998 года Карла дель Понте посетила с ответным визитом Москву.

Швейцарцев мы принимали широко, по-русски. Была подготовлена прекрасная культурная программа, включавшая посещение спектакля в Большом театре, музеев и церквей Кремля, Третьяковской галереи. Не меньшее впечатление на гостей произвели и изыски тра-

диционной русской кухни, которые они отведали под чарующие напевы цыганского ансамбля в одном из банкетных залов «Метрополя».

Но самое главное – столь же плодотворной оказалась и деловая часть наших переговоров. Как и планировалось, 23 апреля 1998 года мы подписали предусматривающий многостороннее сотрудничество меморандум, договорились не только об обязательстве выполнения международных поручений, но и о регулярном обмене оперативной информацией. К концу переговоров мне было очень приятно констатировать, что между российской и швейцарской прокуратурами был установлен самый настоящий режим взаимного доверия.

В последний день визита, когда мы находились в моем кабинете в Генпрокуратуре, Карла вдруг отозвала меня в сторонку и сказала:

– Господин Скуратов, у меня есть документы, свидетельствующие о коррупции в высших эшелонах российской власти. Вы будете работать с этими материалами?

Даже сегодня я отчетливо помню ее внимательный, изучающий меня взгляд. Много раз, позднее, уже зная, чем все это для меня закончилось, я задавал себе вопрос: «Правильно ли я тогда поступил? Нужно ли было мне ввязываться в эту историю?». И приходил к единственному выводу, что, несмотря даже на врожденный инстинкт самосохранения, по-иному поступить я просто не смог бы. Не позволили бы ни воспитание, ни уважение к тем понятиям законности, которые вложили в меня институтские учителя, ни весь мой последующий опыт прокурорского работника. Скажи я «нет» – и, уверен, меня впоследствии просто заела бы совесть.

Но тогда таких мыслей у меня в голове еще не было. Конечно, я чувствовал в тот момент, что сейчас должно произойти что-то неординарное и что та тайна, которую я могу через мгновение узнать, возможно, еще доставит мне массу хлопот. Я также понимал, что сейчас от моего ответа зависит и будущая доверительность наших отношений: не оправдай я ожиданий швейцарского Генерального прокурора, хрупкое доверие, завоеванное за время двух наших встреч, в одно мгновение рухнет. Поэтому я сказал то, что, наверное, сказал бы любой находившийся на моем месте работник правоохранительных органов:

– Госпожа дель Понте, у нас перед законом равны все. Я должен посмотреть эти документы, и, если там есть состав преступления, я буду с ними работать, о ком бы ни шла в них речь. Это мое глубокое убеждение.

Но... ничего не произошло, тайна в этот день не открылась. Просто пытливый взгляд Карлы дель Понте сменился легкой улыбкой. Вполне удовлетворенная, как мне показалось, моим дипломатическим ответом, она сказала:

– Хорошо, тогда я вышлю вам эти документы чуть позже. Но имейте в виду, что речь идет о людях, очень близких к вашему президенту.

Швейцарцы уехали, и, честно говоря, я уже начал забывать об этом мимолетном разговоре. Но через несколько месяцев, в конце августа, у меня в кабинете раздался международный звонок. Звонила Карла...

Здесь я хочу сделать маленькое отступление и рассказать, как мы с Карлой дель Понте общались. В свое время по делам работы мне пришлось провести несколько месяцев в Германии. Там я вспомнил уже порядком подзабытый со школьной и институтской скамей немецкий язык и с тех пор старался держать его хотя бы на таком, далеком от совершенства, но вполне сносном уровне. Конечно, во время официальных мероприятий, как и предполагал протокол, нас с госпожой дель Понте обслуживал высококвалифицированный переводчик. Но как только «официоз» заканчивался, мы без особого труда общались с Карлой, опираясь уже только на свои языковые силы. Могу сказать, что мне самому было приятно, что я вполне мог поддерживать беседу на разные бытовые темы с прекрасно образованной и блестяще знающей, кажется, четыре или пять языков дель Понте, не прибегая к услугам переводчика.

Телефонный разговор мы вели по-немецки, без переводчика, сохранив тем самым его конфиденциальность. В самом начале беседы госпожа дель Понте еще раз спросила, готов ли я принять имеющиеся у нее документы и работать с ними? Услышав мой положительный ответ, она вновь предупредила, что затрагиваемые в документах лица занимают значительное положение в российской иерархии. После этого она спросила, как лучше, учитывая строгую конфиденциальность информации, переслать эти бумаги в Россию. Мы решили, что лучше всего выслать их почтой. Но не простой, а дипломатической. И не через российское посольство, где могут произойти «утечки», а через швейцарское посольство в Москве. Послом Швейцарии тогда был господин Бюхер, человек очень осторожный и поначалу относившийся ко мне с предосторожностью. Но, поняв вскоре, что мои отношения с Карлой дель Понте складываются вполне доверительно, также стал относиться ко мне с доверием.

Через неделю после телефонного разговора с Карлой раздался звонок из швейцарского посольства, и сотрудник миссии сказал, что посол Бюхер хотел бы нанести мне визит в Генеральную прокуратуру. Все знали, что отношения с Генеральной прокуратурой Швейцарии у нас на взлете, послы других стран также не раз бывали гостями в нашем здании, и поэтому приезд посла Швейцарии ни у кого не вызвал ни малейшего подозрения.

Войдя ко мне в кабинет, господин Бюхер положил на середину стола запечатанный сургучом пакет...

Мы посидели немного, попили кофе. Затем посол откланялся и ушел, а я вскрыл конверт.

К тому времени я уже предполагал, что фамилии там могут быть достаточно серьезные. Но такие!!! Я даже предположить не мог, до какой степени солидные имена окажутся в этих документах.

Позже я много раз думал: вот не открой я конверт, и все в жизни было бы по-другому...

В конверте лежали всего два документа, два полицейских отчета. В обоих говорилось о фактах коррупции в высших эшелонах российской власти. В первом речь шла о швейцарской строительной фирме «Мабетекс», в другом – о фирме под названием «Мерката Трейдинг». Кстати, сами названия «Мабетекс» и тем более «Мерката Трейдинг» ничего мне тогда еще не говорили. Это сейчас их знает не только вся Россия, но и, пожалуй, весь мир. Итак, в первом документе назывались имена высокопоставленных кремлевских чиновников, прежде всего начальника Управления делами президента Павла Бородина, а также едва ли не всех его заместителей: Люлькина, первого зама Савченко, Козелько и еще целого ряда высокопоставленных чиновников. Во втором – тесно связанного с Бородиным некоего Виктора Столповских...

Деликатное дело

Зная Бородину и его очень тесные, практически дружеские отношения с президентом, я сразу подумал, что глава Управления делами, прикрываясь близостью к Ельцину и своей собственной властью, судя по всему, решает свои вопросы без оглядки на закон. Но тогда у меня и в мыслях еще не было, что и сам президент окажется причастным к вскрывшимся в Кремле махинациям. Тогда мне казалось, что Ельцин по складу своего характера никогда не пойдет ни на какие сомнительные дела.

После ознакомления с документами я взял для себя недельную паузу, размышляя: что же делать дальше?

Ситуация для меня складывалась очень сложно. С одной стороны, я дал обещание швейцарцам, они поверили в меня, поверили в то, что в России после 70 с лишним лет авторитаризма закон наконец-то может быть равным для всех. Как бы я выглядел перед ними и перед своей совестью, если бы не выполнил это обещание? Швейцарцы, кроме того, полагая, что это теперь наше общее дело, попросили меня собрать по этим двум фирмам информацию и для своей собственной дальнейшей работы, и я обещал им это сделать.

С другой стороны, была бы в России, что называется, «нормальная правовая ситуация», работал бы президент Ельцин действительно так, как и полагается президенту, – активно и решительно, а не проводил по полгода на больничной койке, уважал бы Закон с большой буквы, а не «крутил» им как хотел, я попросил бы его помочь мне создать полноценную российско-швейцарскую группу следователей, которая раскрутила бы это дело в полном объеме.

К сожалению, рассчитывать на такую поддержку я не мог.

Прошла неделя тяжелых раздумий, и я принял твердое и окончательное решение: надо начинать расследование. И если оно подтвердит самые худшие мои опасения, возбуждать против коррумпированных кремлевских чиновников уголовное дело.

Генеральный прокурор уже по своему положению не может один заниматься следствием. Каким бы оно ни было интересным и важным, у Генпрокурора всегда есть масса других дел, его задача – руководить, направлять, контролировать. Нужен был человек, которому я мог доверять абсолютно. Из множества своих сотрудников мне нужно было выбрать человека честного и высокопрофессионального, который скрытно и без особого шума смог бы взяться за это дело и провести предварительное расследование.

Вначале я решил отдать швейцарские документы Михаилу Катышеву, одному из наших наиболее принципиальных работников, моему заместителю по следствию. Я знал его давно, доверял как себе, да и дела такого рода были полностью в его компетенции. Единственное, что меня останавливало, – это то, что сам Катышев тогда был под плотным «колпаком» у власти. По нашей терминологии, его усиленно «прессовали», пытаясь любыми способами подставить, дискредитировать. Тогдашний премьер Черномырдин лично просил убрать его с работы, настолько он «достал» правительство, олигархов и Администрацию президента. Премьер был сильно встревожен его расследованием по Национальному резервному банку, где фигурантами проходили Александр Лебедев, один из руководителей Национального резервного банка, и Андрей Костин, председатель правления Внешторгбанка России. Еще больший гнев премьер-министра вызвало следствие, начатое Катышевым по первому заместителю министра финансов Андрею Вавилову, который, по нашим данным, был автором и исполнителем многих сомнительных финансовых схем. Черномырдин не без основания предполагал, что во всех этих расследованиях Катышев играет первую скрипку, и был резко против него настроен. Давление на Михаила Борисовича продолжилось и после того, как Черномырдин сменил на его посту Кириенко.

Взвесив все «за» и «против», я пришел к выводу, что если передам полученные из Швейцарии материалы Катышеву, и его люди начнут заниматься столь деликатной темой, я подставлю его под еще больший удар и его «съедят» окончательно.

Поэтому я вызвал к себе Александра Яковлевича Мыщикова, моего советника, с которым меня связывали добрые отношения еще со студенческих времен. Прокурорский генерал, он много занимался следствием, был когда-то заместителем прокурора Омской области, затем начальником управления в Генпрокуратуре. Пригласив к себе в кабинет, я передал Александру Яковлевичу из рук в руки присланные из Швейцарии документы, предупредил о строгой конфиденциальности дела и попросил провести проверку. Фактически Мыщиков стал первым человеком, с которым я поделился полученной мною «горячей» информацией. Я попросил его сразу же засекретить все имеющиеся материалы и запретил показывать их даже техническому персоналу. Правда, о содержании швейцарских документов кроме нас двоих знал еще один человек – переводчица. Но Мыщиков достаточно жестко с ней побеседовал, и она обещала никому ничего не рассказывать.

Мы обсудили с Мыщиковым ситуацию и возможный ход дела. Я предложил ему:

– Давай начнем с того, что напишем запросы.

Вдвоем мы набросали тексты запросов в МВД, ФСБ, ФСО и еще в целый ряд основных российских структур. Все эти запросы готовились без конкретных фамилий – вместо них на бумаге оставлялось пустое место. Когда же свежееотпечатанный запрос поступал от машинистки, Мыщиков сам вписывал в текст нужные фамилии.

Ни из МВД, ни из ФСБ мы ничего конкретного не получили...

Тогда я решил воспользоваться, так сказать, личными, неформальными отношениями. Среди нового руководства ФСБ близких связей у меня ни с кем не было, а вот в МВД я был в хороших отношениях с начальником российского бюро Интерпола Владимиром Овчинским. Напрямую сказать ему о сути дела я, конечно, не мог, поэтому схитрил.

– Владимир Семенович, – сказал я ему, – мне от швейцарцев информация пришла о фирме «Мабетекс». Вроде бы они ее в Интерпол тоже запустить хотят. Не посмотрите, что у вас есть на эту тему?

Владимир Овчинский подошел к моей просьбе также неформально. Презрев обычную в таких случаях бюрократию, он вскоре сообщил мне об одном удивительном случае. В 1997 году некий швейцарский господин по имени Беджет Пакколи, а также его брат Ахрим прилетели на принадлежащем им частном самолете в Россию. Приземлились они на правительственном аэродроме «Внуково-2.» Не проходя никакой таможни, они поехали в город, но были остановлены работниками милиции. У них обнаружили огромную сумму незадекларированных денег – многие тысячи долларов США. Естественно, их сразу же задержали, составили протокол, стали разбираться. Вдруг в районном отделении милиции, куда их доставили, раздался телефонный звонок. Говоривший представился первым заместителем Бородина Савченко. В не терпящей возражений форме он приказал немедленно отпустить обоих Пакколи, причем вместе с деньгами.

– Эти люди работают с Управлением делами президента, – разъяснил он «нерадивым» милиционерам.

Начальник милиции естественно и благоразумно решил для себя, что лучше ему, от греха подальше, с кремлевскими «генералами» не связываться, и сразу же отпустил задержанных на все четыре стороны. По российскому законодательству факт контрабанды валюты должен был быть обязательно запротоколирован, а все материалы дела переданы для проведения расследования с участием таможенников. Ничего этого сделано не было. Материалы быстро и тихо прикрыли, но по чьему-то недосмотру документы о незаконном ввозе денег не уничтожили.

Так эти важнейшие документы оказались в руках Овчинского (а потом и в моих). Было проведено формальное служебное расследование. Стрелочника нашли сразу – какого-то милиционера, которому в свое время приказали закрыть дело. Его «строго» наказали.

Кстати, информацией о задержании Пакколи с большой суммой денег заинтересовались не только мы: на Б. Пакколи пришел официальный запрос также из германского бюро Интерпола, и российское бюро Интерпола так же, как и мне, переслало туда всю имевшуюся у него информацию. Тот факт, что немцы проводили собственное расследование деятельности Пакколи, был нам на руку. Мы очень боялись утечки информации, что, дескать, Генеральная прокуратура «копает» под Кремль. Поэтому, узнав, что материал о валютной контрабанде братьев Пакколи уже «гуляет» по Интерполу, мы без шума взяли его оттуда и приобщили к нашему расследованию.

Прodelали мы все это максимально аккуратно и скрытно. И все же, думаю, это был тот самый момент, когда в Кремль ушла первая тревожная информация: кто-то интересуется Пакколи и его компанией.

* * *

Забегу несколько вперед. Не раз позднее меня обвиняли, что дело о «Мабетексе» было возбуждено с серьезным процессуальным нарушением – дескать, не была перед этим проведена так называемая доследственная проверка. Да неправда все это! Уже один наш запрос в российское бюро Интерпола говорит об обратном – формально подтверждается факт проводимой нами доследственной проверки. А ведь мы посылали еще массу запросов в ФСБ, ФСО, МВД и другие интересующие нас организации. Конечно, процессуально я должен был дать письменное указание на ее проведение, написать на официальном бланке: «Провести доследственную проверку в порядке статьи 109 УПК РСФСР». Но, как вы понимаете, в условиях секретности, в которой мы в те дни работали, сделать это было никак нельзя, мы бы сразу себя раскрыли. Тем не менее по характеру всех тех действий, которые мы тогда проводили, это была реальная и полноценная доследственная проверка. К слову, и сам Уголовно-процессуальный кодекс позволяет возбудить уголовное дело и без проведения доследственной проверки. Поэтому нарушения законодательства я здесь не вижу никакого.

* * *

Но вернемся в год 1998-й. Проверка шла, мы рассылали запросы. А я тем временем размышлял над ситуацией. Конечно, какие-то «убойные» факты мы уже имели. Но их явно было недостаточно для возбуждения уголовного дела. Ну, везли братья Пакколи деньги, а что дальше? Есть у нас на руках документы из Швейцарии, а как их проверить? Нужно было что-то еще...

Вскоре мы поняли, что без возбуждения уголовного дела с мертвой точки не сдвинуться. Конечно, нам очень хотелось провести выемку документов в швейцарской штаб-квартире «Мабетекса». Мы подготовили международное поручение, для надежности я послал его в Швейцарию не почтой, а отправил туда Мыцкова. Довез-то он это поручение без проблем, но госпожа дель Понте выполнить нашу просьбу отказалась. Как выяснилось, по швейцарскому законодательству, пока уголовное дело не будет возбуждено здесь, в России, провести какие-то следственные мероприятия в Швейцарии было невозможно.

После того как я получил из-за границы «горячие» документы, время от времени мы с Карлой дель Понте переговаривались по телефону, информируя друг друга о ходе дела. В конце концов мы пришли к выводу, что мне надо снова ехать в Швейцарию: Карла обещала снабдить нас новой информацией, которая могла вдохнуть в притормозившееся расследование свежую

струю. Но в организации такой поездки была одна сложность. Спланировать ее надо было так, чтобы не привлечь ничьего внимания. Тем более что, будучи лицом государственным, визиты такого рода я должен был хоть и формально, но в обязательном порядке согласовывать с президентом.

И вновь пришлось пуститься на маленькую хитрость. К тому времени у меня была запланирована официальная поездка в Париж, и я решил совместить одну поездку с другой. Я написал Ельцину бумагу, что собираюсь во Францию, нанести ответный визит недавно приехавшему в Россию тамошнему Генеральному прокурору, и был без промедления отпущен.

Еще одно небольшое отступление, снова на «телефонную» тему. К тому времени мы с Карлой беседовали по телефону достаточно часто, как минимум пару раз в месяц. Как выяснилось позднее, разговоры эти стали одной из самых моих больших ошибок. Точнее, не сами телефонные беседы, а то, что я не предупредил свою собеседницу о суровых российских реалиях, об «особенностях» российского телефонного общения.

Честно говоря, мне даже было как-то неудобно, стыдно говорить ей о том, что в нашей стране могут прослушиваться телефонные переговоры даже Генерального прокурора. Чтобы не быть голословным, приведу такой пример: беседуя по правительственной, абсолютно закрытой, кодируемой связи, я не раз чувствовал, как в трубке вдруг резко падало напряжение и начиналось непонятное, еле уловимое ухом шуршание – кто-то подсоединился. Несколько раз я говорил об этом Крапивину и Старовойтову, руководителям ФАПСИ и ФСО, но они отнекивались и переводили мой вопрос в шутку. Да что я? Помню, в одном из своих интервью даже премьер-министр Виктор Черномырдин признался, что подозревает, что его телефоны прослушиваются. Более того, как-то в приватной со мной беседе Черномырдин признался, что сам Ельцин, Президент России, опасается того же. Как говорится, выше уже только Бог... Остается только вспомнить тотальную слежку сталинской эпохи и посетовать, что и сегодня мы ушли от нее не на очень далекое расстояние.

Дело осложнялось еще и тем, что даже мы, прокуроры, не знали всех закрытых, по сути, секретных инструкций, в содержание которых был посвящен очень узкий круг людей. А не зная, что в них написано, как с ними бороться?

Главная же проблема состояла в том, что, опять же по законодательству, прокуратура не имела право осуществлять надзор за оперативно-розыскной деятельностью спецслужб. Позднее я сумел добиться весьма существенных поправок к закону, но, не имея мощной поддержки президента и других власть имущих, до конца довести дело не смог. Реально поставить под контроль выходящую за рамки закона деятельность спецслужб при проведении оперативно-технических мероприятий, заставить их отказаться от порочной практики «подслушивать» всех и в любое время без законных на то оснований, к сожалению, мне тогда так и не удалось.

Конечно, я не мог рассказать обо всем этом Карле. Сам я, наученный нашей горькой действительностью, естественно, ничего лишнего ей по телефону не говорил: лишь согласовывал даты, может быть, делал какие-то намеки. Она же, как правило, беседуя по телефону, всю информацию выкладывала как на духу – со всеми фамилиями и фактами, то, о чем открыто говорить было ну никак нельзя.

Воспаление легких скосило меня буквально за пару дней до запланированного в Париж вылета. Врачи потребовали, чтобы я лег в больницу. Никакие мои доводы о том, что мне необходимо уехать, они не принимали: понимаем, дескать, – Париж, Елисейские Поля, Монмартр... Но здоровье-то тоже беречь надо... А у меня в голове и мыслей о Париже нет – одна Швейцария...

Короче, я их все же уломал. Нагрузили меня эскулапы в дорогу всякими препаратами, пилюлями, и я поехал. Остановился в нашем парижском посольстве, нанес ответный визит

французскому Генпрокурору Бержелену. Должен был встретиться с находящимся в эмиграции бывшим мэром Санкт-Петербурга Анатолием Собчаком, но не сложилось. Под конец визита дал несколько интервью и уехал. В общем, как я и предполагал, – обычная поездка.

Пробыв в Париже запланированные три дня, на обратном пути я завернул в Женеву.

Встретить меня Карла сама не смогла, но прислала свой бронированный лимузин. К слову сказать, на тот момент она была единственным охраняемым государственным служащим Швейцарии. Такого бронированного авто и охраны не было даже у швейцарского президента.

Как и в прошлый раз, остановился я в российском посольстве, у Степанова. Помню, беседуя со мной, он, как бы сетауя, промолвил:

– Сколько же денег наших в Швейцарии крутится... Какие темные дела проворачиваются...

Уже позднее, зная многие детали дела «Мабетекса», я понял, что в душе у этого высокого и приятного в общении человека шла нелегкая нравственная борьба. Как патриот, государственный, он, конечно, искренне переживал все то, что творилось с нелегальным вывозом в Швейцарию капиталов из России, говорил об этом с болью. Наверняка он обладал по этому вопросу обширнейшей информацией, но делиться ею со мной, естественно, не собирался. Дочь его, как я уже говорил, работала в компании у Пакколи. Уверен, что Степанов знал о многих его махинациях, завязанных на Кремле. Но ни мне, ни кому бы то ни было еще рассказать об этом не пожелал. Тем не менее я не в претензии. Человек попал в нелегкую житейскую ситуацию. Я чувствовал, что помогал он мне как мог, но откровенного разговора у меня с послом, к сожалению, так и не получилось.

Главный свидетель обвинения

Уже первая встреча с госпожой дель Понте (а было их несколько) показала, что приехал я в Швейцарию отнюдь не напрасно. Не тратя времени, она сразу приступила к цели моего визита.

– Господин Скуратов, – сказала она, как и прежде, пытливо глядя прямо в глаза, – я хотела бы познакомить вас с главным свидетелем по делу «Мабетекса».

Утром следующего дня я встретился в ее кабинете с молодым человеком приятной внешности. Звали его Филипп Туровер.

Первое, что бросилось в глаза, – это хорошие манеры и прекрасное знание русского языка. Как рассказал сам Филипп, родился он в Советском Союзе. Его отец был испанцем – из тех испанских детей, которых в тридцатые годы, спасая от войны, переправили в СССР. Здесь он вырос, стал одним из крупнейших экспертов в области испанского языка и литературы, познакомился с русской женщиной, будущей матерью Филиппа. Кстати, полностью фамилия Туровера звучит как Туровер-Чудинова. Второй частью фамилии он отдал дань уважения своей матери. Ну а странное для русского уха «женское» окончание для Испании вполне допустимо, если учесть, что тройные-десятерные по длине имена обычны для католиков. Удивительно другое. Девичья фамилия супруги Павла Бородина – главного оппонента Туровера – тоже Чудинова. Честно говоря, я был этим совпадением просто поражен. Да, от судьбы действительно не уйдешь: главным обвинителем стал однофамилец...

Отказавшись от российского гражданства, Филипп Туровер в 1983 году уехал в Испанию, на родину отца. Здесь он получил блестящее экономическое и правовое образование, свободно общался на шести языках. Вернулся в Россию, кажется, в начале 90-х годов, работал в Москве представителем известного швейцарского «Banco del Gottardo».

В присутствии Карлы Туровер рассказал мне просто фантастические вещи.

Работая в московском представительстве швейцарского банка, Филипп был в курсе проведения многих финансовых операций. Он стал свидетелем попыток КПСС отрегулировать работу с финансами через счета в различных зарубежных, а также отечественных коммерческих банковских структурах типа «Финист Банка», СБС и других. Коммунисты были уверены, предполагали, что их партия будет жить и работать всегда и при любых условиях, даже в условиях нелегальных, в подполье. Деньги записывались на доверенных лиц.

Уже потом, когда КПСС окончательно разрушилась, кое-кто из этих людей, как я узнал, записанные на них многомиллионные суммы вернуть отказался.

Застал он и период так называемой «первой волны коррупции», известной, к примеру, махинациями с чеками «Урожай», когда «в никуда» исчезли колоссальные деньги, выделенные государством для поддержки сельского хозяйства. Туровер был в курсе всех деталей заключения крайне невыгодного для России договора со швейцарской фирмой «Noga». Документы контракта были составлены так, что именно государство (то есть Россия) выступало в сделке в качестве юридической стороны, что подкрепил своей подписью тогдашний первый вице-премьер Геннадий Кулик.

В результате наша страна была вынуждена отвечать по сделке любым принадлежащим ей имуществом (выставкой музейных картин, самолетами, парусной яхтой...), которое владелец фирмы Noga с маниакальным упорством пытался арестовывать то в одной, то в другой стране.

Ну и конечно, сам «Banco del Gottardo». Популярность этого банка и доверие к нему в России были столь велики, что он даже собирался организовать у себя что-то вроде «Клуба кредиторов российской экономики». Естественно, Туровер был в курсе практически всех про-

ходящих через банк финансовых потоков, большинства проворачиваемых этим банком в России дел.

Но главное состояло в том, что Филипп Туровер отличался необыкновенной скрупулезностью, чрезвычайной дотошностью и экстраординарной педантичностью. Он делал копии едва ли не всех проходящих через него финансовых документов. Собранный им за годы работы в Banco del Gottardo уникальный по своей значимости и величине архив занимал несколько десятков битком набитых папками объемистых коробок. Именно этот архив и стал основой для проведенного швейцарцами полицейского расследования, результаты которого Карла дель Понте и выслала в адрес российской Генеральной прокуратуры.

* * *

Не вдаваясь в детали, Туровер рассказал мне, как действует механизм мошенничества. Схема была классической. При заключении подрядов на реконструкцию Кремля «Мабетекс», возглавляемый Беджетом Пакколи, намеренно завышал объемы работ и их общую стоимость. Договор подписывался без предварительно составленной сметы. После этого «Мабетекс» нанимал субподрядчиков, выплачивая им намного меньше зафиксированных на бумаге цифр. Затем производился так называемый «откат». Дельта – разница между реальной стоимостью проделанной работы и той, что записана в документе, – делилась, и солидная ее часть возвращалась тем, кто в свое время обеспечил Пакколи эти супервыгодные подряды. Причем обеспечены они были «Мабетексу» практически без обычного в таких случаях конкурса-тендера, то есть вне конкуренции.

Любая стройка – хороший способ украсть деньги. А реконструкция Кремля – это была очень большая стройка. Как поведал Туровер, руководитель секции русских клиентов «Banco del Gottardo» Франко Фенини рассказал ему, что сам видел, как перед очередным отъездом в Москву Беджет Пакколи брал с собой огромное количество наличных денег и драгоценностей, которые впоследствии передавал в Управлении делами Президента «нужным людям». Были и другие факты...

Я был потрясен услышанным. Одно было абсолютно ясно: дело можно двигать вперед – оно того стоит. Но рассказ Туровера, пусть и чрезвычайно интересный, являлся на тот момент не более чем просто рассказом, так сказать, светской беседой. Как превратить его в документ, который можно подшить к делу?

Не особо надеясь на успех, я спросил у Филиппа:

– Как часто вы бываете в Москве?

Тот ответил, что регулярно и проводит там иногда довольно длительное время.

– Готовы ли вы прийти к нам в Генеральную прокуратуру и дать официальные свидетельские показания, причем по всей форме, с предупреждением об ответственности за дачу ложных показаний?

Не знаю, возможно Туровер мысленно уже давно ждал этого вопроса, потому что ответил на него он практически не раздумывая, быстро и недвусмысленно:

– Да, я готов.

Я поблагодарил его за сотрудничество, оставил свои телефоны. Мы договорились, что уже на следующей неделе он приедет в Москву и сразу же встретится со мной и Мыциковым.

Туровер ушел, а мы с Карлой обсудили еще некоторые моменты. Один из них был технический, но очень для меня важный: как мы будем обмениваться информацией и прокурорскими запросами по интересующим нас обоим вопросам?

Надо сказать, что по приезде в Женеву я сразу почувствовал, что посла Степанова моя странная «жневская остановка» сильно заинтриговала. Но я решил, что будет правильнее в

курс дела его не вводить. Где-то я, может быть, не доверял ему, но скорее меня беспокоил другой, связанный с нашим российским посольством вопрос. Дело в том, что многие запросы – по уже упоминавшемуся Александру Лебедеву, Владимиру Потанину – отправлялись дипломатической почтой. Наша швейцарская миссия небольшая, и естественно, в самом посольстве запросы эти видели и читали многие, если не все. Буквально уже на следующий день следовал звонок в Россию, и о содержании письма становилось известно его непосредственному «герою». Не хочу обижать огульно всех сотрудников российского посольства в Швейцарии: бесспорно, там работало и работает много честных людей, которые искренне согласились бы помочь мне. Но мы с госпожой дель Понте все же не хотели рисковать и поэтому решили перейти к прямому обмену информацией, через собственных курьеров – из рук в руки.

Напоследок моя собеседница передала мне еще несколько интересных документов по «Мабетексу», и мы расстались. Я вернулся в посольство и стал готовиться к отъезду домой.

Ближе к вечеру дель Понте, видимо, желая хоть как-то скрасить мои тягостные ощущения от информации, полученной от нее и Туровера, прислала за мной свой автомобиль, и я получил возможность немного отдохнуть, совершив небольшую экскурсию в Альпы. То ли от нервного перевозбуждения, то ли от чистого горного воздуха, но именно в этот вечер я почувствовал, что мучившая до поездки болезнь меня уже больше не беспокоит.

На следующее утро, полностью удовлетворенный результатами поездки, я вылетел в Москву.

Туровер не обманул меня. Ровно через неделю он позвонил в прокуратуру. Я немедленно вызвал к себе Мыщикова. Мы назначили время, и Филипп с немецкой пунктуальностью, не опоздав ни на минуту, пришел к нам. Мышков по всей форме официально допросил его и оформил беседу протоколом. Мы договорились с Туровером общаться и дальше, поскольку этот чрезвычайно информированный во всех отношениях человек был для нашего следствия очень полезен: несколько раз он подсказывал нам выходы из кажущихся в тот момент тупиковыми ситуаций.

«Banco del Gottardo» был в центре многих событий, происходящих в последние годы в России, на него были завязаны наши многочисленные коммерческие и финансовые структуры. Популярность банка, как я уже говорил, была очень велика. В качестве сотрудника банка Туроверу приходилось общаться со многими клиентами. Из-за русского происхождения его считали «своим», его знали, ему доверяли.

л. д. N _____

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетеля, потерпевшего

г. Москва

"8" октября 1998 года

Ст. следователь

Светлана Генераловна

прокурора

Российской Федерации

в помещении интервью

прокуратуры Российской Федерации

в присутствии _____

, с "9" час. "30" мин. до "12" час.

"30" мин. (с перерывом с " " час. " " мин. до " " час. " " мин.

(причина перерыва; без перерыва) без перерыва

с соблюдением требований ст.ст. 17, 72-74, 157-160 УПК РСФСР допросил в качестве судебного гр. Туровец-Туркина которому, разъяснено, что согласно ст. 73-74 УПК РСФСР свидетель (потерпевший) может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по данному делу, и обязан дать правдивые показания: сообщить все известное по делу и ответить на поставленные вопросы.

Кроме того, разъяснена ст. 51 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников.

Об ответственности по ст. 308 УК РФ за отказ от дачи показаний и по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложных показаний предупрежден.

Об ответственности по ст. 310 УК РФ за разглашение данных предварительного расследования предупрежден.

В соответствии со ст. 139 УПК РСФСР даю настоящую подписку в том, что обязуюсь не разглашать без разрешения следователя или прокурора известные мне сведения по настоящему уголовному делу.

Подпись :

СВИДЕТЕЛЬ (ПОТЕРПЕВШИЙ) О СЕБЕ СООБЩИЛ СЛЕДУЮЩЕЕ :

Фамилия Туровец-Туркина

имя Феликс

отчество _____

дата, месяц, год рождения

"29" июня 1964 г., место рождения г. Москва

Образование высшее, юридическое

Семейное положение и состав семьи женат, имеет сына

Место работы, должность, род занятий исполнительный директор

в стране бывшего СССР.

Одним из клиентов банка стала фирма «Медойкс Инжиниринг». Президент и владельцем фирмы является Николай Бедисет. Клиентом фирма и её владелец стали по рекомендации господина Фенкини Франко - одного из вице-директоров банка. Фирма возникла в конце 80-х годов и занималась проектной работой. Первый контракт в России, как мне известно, у фирмы был в Москве примерно в 1991 году, когда мэром Москвы был П.А. Бородин.

Совершенно неожиданно малоизвестная фирма, пришла с небольшим заказом в 1993-1994 гг. по проекту поручения реставрационные работы и реконструкция корпуса №1 Кремля, а также проект Государственной Думы и выделенного отдела Дома Правительства России. Внешнюю отделку и архитектурное оформление выполнила фирма «Инка».

Председателем государственной комиссии по восстановлению Дома Правительства был Суров. Все контракты заключались

Александр

8

маленьким управлением составлен из российских
бюджетных и кредитных средств. Среди них
руководитель управления финансы — Яковлев,
Корень, Котельников, Столяков и т.д.
Коллекция эти документы являются с
некоторыми, принадлежат или
находятся в управлении управления
финансов Администрации Президента России
(показатели, Золотое кольцо, газ, здравоохранение
и т.д.).

В моем распоряжении (в Москве и
в Цюрихе) имеются документы, связанные
с моей работой в банке для Зоттаро
и которые могут представлять интерес
для следствия. Эти документы я готов
предоставить в распоряжение следствия.

С моим словесным описанием,
мнею прочитано

Доверено: заместителем генерального
директора
Российской Федерации

А. Мох

Бюджет Пакколи держал в «Banco del Gottardo» свои деньги, проводил через него финансовые транзакции. В этом же банке открывали счета и многие российские высокопоставленные чиновники — их насчитывалось не менее ста человек.

Почему же Туровер решил «сдать» швейцарской прокуратуре едва ли не весь российский истеблишмент? Дело здесь запутанное и темное. Как я понял, другой сотрудник «Banco

del Gottardo», Франко Фенини, который также давал показания швейцарской прокуратуре и даже какое-то время находился под арестом, рассорился с Филиппом из-за денег. Дело в том, что и Фенини, и Туровер отвечали в банке за российское направление. Но Туровер был, как говорится, ближе к деньгам: со стороны банка он участвовал во многих финансовых операциях россиян и получал за это неплохие проценты. На каком-то этапе Фенини почувствовал себя обделенным и начал Туровера шантажировать. Это послужило, так сказать, отправным толчком. Туровер подал против Фенини иск и, чтобы получить в этой борьбе какие-то преимущества и выиграть дело, начал активно сотрудничать со швейцарской прокуратурой.

Почему Туровер делал копии со всех проходящих через него более-менее интересных документов? Тоже вопрос, как говорится, на засыпку. Может, хобби у него было такое, может, еще чего – в душу-то не залезешь. В недрах наших правоохранительных органов было и другое, не лишнее логики объяснение: Туровер, дескать, выполнял задания спецслужб западных стран и именно по их указанию и собирал компромат на высокопоставленных российских чиновников. И что вся эта заваруха, начавшаяся с Беджета Пакколи и его «Мабетекса» и перекинувшаяся впоследствии на Бородин и иже с ним, не что иное, как блестящая операция западных спецслужб по дискредитации и без того подорванного в глазах мирового сообщества имиджа российских руководителей.

Так это или нет – не знаю. Но бесспорно, российские чиновники дали все основания для того, чтобы ими занялись правоохранительные органы, как отечественные, так и зарубежные. Что же касается Филиппа Туровер-Чудинова, то он – личность своеобразная и неординарная. В нем уживались как талант, так и авантюризм, широта – и мелочность: он мог прогулять большие деньги в ресторане и одновременно не платить месяцами за квартиру.

Правильно ли будет сказать, что именно Туровер положил начало делу «Мабетекса»? Наверное, нет. Даже из тех, самых первых присланных из Швейцарии материалов следует, что полиция Германии и Швейцарии, а также налоговая гвардия Италии уже давно следили за Беджетом Пакколи, подозревая его в отмывании денег. Они взяли его «на контроль» и до поры до времени не трогали его.

Здесь надо учесть, что психология западноевропейского гражданина, в частности швейцарца, коренным образом отличается от психологии россиянина и его менталитета. Закон там не просто уважают, он возведен до уровня какого-то фетиша. К примеру, я бы не посоветовал вам после одиннадцати вечера шуметь даже в собственной квартире. Соседи не придут, как у нас, предупредить и ругаться, а с ходу вызовут полицию. Швейцарец считает своим долгом, если увидит неправильно припаркованную машину, сразу же доложить об этом нарушении в полицию. Стоит ли говорить, что люди там никогда не переходят дорогу на красный свет светофора...

Поэтому, когда через банковские счета Пакколи вдруг пошли огромные обороты денег, им сразу же заинтересовались в местной полиции – откуда дровишки-то? Пакколи не арестовали, но где-то в своих блокнотах «галочку» поставили: дескать, что-то тут не так, надо разобратся. Начали проводиться чисто профилактические мероприятия, следили потихонечку, отслеживали. А тут и Туровер со своим архивом поспел к месту. Конечно, в архиве Туровера хранились документы и на других россиян. Но на их фоне управляющий делами российского президента Павел Бородин бесспорно выделялся – и близостью к Кремлю, и масштабом проворачиваемых сделок.

Еще один интересный вопрос: почему швейцарская прокуратура вдруг вспылала таким вниманием к России и нашим, в общем-то, внутренним проблемам – мошенничеству, коррупции?

Оказывается, с точки зрения Швейцарии, проблемы эти не только российские. По большому счету, до нас им дела нет. Швейцария – страна чрезвычайно прагматичная и в первую очередь защищает свои собственные интересы. Денег в швейцарских банках более чем доста-

точно. И будет там на 5 – 10 российских миллиардов долларов больше или меньше – роли особой не играет, эти суммы для Швейцарии, одной из богатейших стран мира, не принципиальны.

Я спросил у Карлы дель Понте, не волнует ли ее тот факт, что раскрывая «русские» счета, они рискуют потерять тысячи потенциальных клиентов?

Ответ ее был очень прост: все это не имеет значения – главное, чтобы деньги, хранящиеся в наших банках, не были грязными.

Да, швейцарцы в какой-то степени теряют свой веками складывавшийся имидж, испаряется миф, что швейцарские банки самые надежные и тайну своих клиентов не выдают. Но сегодня они четко понимают: не делай они этого – и будущее их страны, их детей незавидно.

Сначала в страну приходят и оседают большие деньги сомнительного происхождения. Что последует дальше? После этого человек, у которого в банке на счету появились эти деньги, решает, что неплохо было бы за ними приехать и даже слегка потратить: он пытается легализоваться, то есть купить в Швейцарии недвижимость. Но по закону иностранец не имеет права купить здесь землю или дом. Тогда он начинает договариваться о фиктивном оформлении недвижимости на какого-то подставного швейцарца. Потом, если это получается, иностранцу уже хочется получить гражданство или вид на жительство. Это сложно, и он начинает давать взятки.

С этого момента начинается постепенное разращение и коррумпирование швейцарского государственного аппарата, его чиновников – явление для законопослушной страны чрезвычайно опасное.

Купив за деньги и недвижимость, и гражданство, владелец денег наконец-то переезжает в Швейцарию на постоянное жительство. Причем отнюдь не один. За ним наверняка потянутся его компаньоны, другие члены мафиозных групп. Сначала, как в случае с «Мабетексом», это владельцы грязных денег от строительных подрядов. Потом это будут люди, «заработавшие» грязные деньги на наркотиках, игорном бизнесе, торговле оружием.

Причем Россией здесь не ограничится. Следом за нашими деньгами в маленькую Швейцарию потекут грязные деньги с Украины, из Китая и так далее – список может быть сколь угодно длинным. Точно так же вслед за деньгами приедут их хозяева – бандиты. И вот все эти «бизнесмены» начнут делить новый для них рынок: давать взятки, вкладывать свои деньги в легальный бизнес, в недвижимость, пытаться отмыть их. Начнутся разборки, убийства...

Стань этот весьма недалекий от фантастики сценарий реальностью – и из добропорядочного, процветающего бюргерского государства Швейцария превратится в проблемную страну, зараженную вирусом коррупции, мафии и террора.

Какой же порядочный человек после этого доверится их банкам? И вообще, нужна ли такая атмосфера самим швейцарцам?

Именно поэтому Швейцария так упорно боролась с казавшимся ей преступником россиянином Сергеем Михайловым, закрывая ему въезд в страну. Именно поэтому, увидев, какие обороты с Россией имеет «Мабетекс», а также уровень российских чиновников, замешанных в его махинациях, швейцарская прокуратура всполошилась. Она начала скрупулезно фиксировать, кто приезжал к Пакколи, кто заходил в «Мабетекс». Более того, швейцарская прокуратура передала нам списки и попросила выяснить, связаны ли все эти люди с российским криминалитетом или нет?

Неприкрытый интерес швейцарцев к России мне был вполне понятен. Он назревал все последние годы, когда из России в Европу хлынули тысячи наших соотечественников, многие из которых делали это далеко не с туристическими намерениями. Российские деньги уже начали серьезно беспокоить европейцев. Я думаю, что дальновидной и мудрой политике швейцарцев по профилактике проникновения в страну зарубежного криминалитета нам стоило бы не только позавидовать, но и поучиться.

Архив Туровера

Изучив показания Туровера, мы поняли, что подошли к очень серьезному, можно сказать, переломному в этой работе этапу. Наступила необходимость произвести выемку интересующих нас документов. Но, не заведя уголовного дела, сделать это было по закону невозможно. 8 октября 1998 года я решил подстраховаться и особым распоряжением наделил своего советника А. Мыщикова специальными полномочиями по проведению процессуальных действий. Перед этим мы официально возбудили дело по «Мабетексу», надзор за которым я взял лично на себя.

Но оставалась еще одна сложность. В России существует единая система учета уголовных дел, и находится она в ведении МВД. Каждому делу там присваивается свой учетный номер. Зарегистрируй мы это дело официально – огласки не избежать: моментально все бы раскрылось. Вновь нас выручили все те же «неформальные связи». По моей просьбе Мыщиков попросил, не говоря зачем, зарезервировать для нас один учетный номер в Управлении по расследованию особо важных дел Генпрокуратуры России. Естественно, возражать ему никто не стал, хотя известный интерес коллеги проявили.

После возбуждения уголовного дела Мыщиков и я вновь встретились с Тувером, и тот по нашей просьбе передал нам большую часть своего архива. Сделал он это не второпях, а очень тщательно, описав в подробностях содержимое буквально каждой папки. Документов было очень много. Согласно акту выемки – 49 папок, в которых находилось 4919 страниц архивных документов, датированных 1992–1998 годами. Принимали мы папки у меня в кабинете, и они заняли практически всю поверхность моего далеко не маленьких размеров стола. Много времени у нас ушло и на то, чтобы рассортировать их, разложить по темам, а также выбрать приоритетные для дальнейшей работы.

В папке № 1 на 29 листах находилась переписка с Марийским машиностроительным заводом; папка № 15 под заголовком «Антей» содержала 31 страницу; папка № 27 – 243 страницы под общим заголовком «Документы Марий Эл». Как пояснил Тувер, эти официальные документы подтверждали попытки продажи за рубеж совершенно секретного зенитно-ракетного комплекса «С-300В». Как показывали бумаги, к этим попыткам продажи имели прямое отношение как глава администрации Марий Эл, так и один из тогдашних вице-премьеров, курировавший оборону, а также и кое-кто повыше. Папка № 12 (134 страницы) и папка № 33 (164 страницы) содержали постановления правительства и другие закрытые документы.

Тувер объяснил, что основу этой подборки составляют уникальные секретные постановления правительства. К примеру, там имелось особо засекреченное постановление, дающее квоту на ввоз и транзит через территорию России некоторых наркотических веществ. Водном из пунктов этого постановления стоял кокаин, причем в очень большом количестве. Но кокаин – это продукт, потребляемый только наркоманами, медицине он не нужен. Во всех странах мира путь кокаина только один – на уничтожение. В России же были разрешены ввоз и дальнейший транзит кокаина. Еще одна квота позволяла «Сибнефти», а точнее, Березовскому и Абрамовичу экспортировать 3 миллиона тонн нефти, причем без всяких акцизов. Иными словами, одним росчерком пера этим двум деятелям было подарено что-то около 30 миллионов долларов.

Там же, в архиве, имелась и целая пачка официальных бумаг, связанных со скандалом со швейцарской компанией Noga, которых, по словам Туровера, было побольше, чем по «Мабетексу», да и суммы там фигурировали покрупнее, а также огромное количество других документов.

Информации было столько, что уже после беглого просмотра туроверовских материалов я сразу дал поручение провести доследственную проверку в отношении одного из работников Администрации президента, высокопоставленного сотрудника МИДа.

Просмотрев материалы Туверера, я принял решение возбудить дело и по фирме «Noga», хотя с момента подписания того самого, невыгодного для российского государства, договора минуло уже более шести лет. Причем глава этой компании господин Гаон после предварительных с ним переговоров был готов дать показания, кому из российских государственных чиновников он в свое время давал взятки. Возбудив это дело, мы могли оспорить решение Стокгольмского арбитражного суда, вынесенное в пользу «Noga». Забегая вперед, могу с уверенностью сказать, что, если бы мы доказали (а предпосылки для этого у нас все были), что наши чиновники, подписывая соглашение, действовали незаконно, России не пришлось бы переживать столь неприятные и даже позорные для нее минуты ареста ее собственности за границей.

Нашел я в полученном архиве и информацию о счетах многих российских сановников, открытых ими в зарубежных банках. Большинство из этих счетов существуют там, кстати, и до сих пор, и, полагаю, с нынешним подходом прокуратуры к проблемам подобного рода вряд ли их хозяева когда-либо будут объясняться перед следователем, откуда у чиновника со скромной зарплатой появился за границей счет на многие миллионы долларов.

Наибольший интерес для нас представляла папка № 3 – «Переписка с Управлением делами Президента России», 24 страницы, а также примыкающие к ней по тематике папка № 39 – «Клуб Тотардо», 151 страница, и папка № 41 – «Финансовые документы», содержащая 365 страниц. Именно здесь и находился полный комплект документов по «Мабетексу», на основании которых мы и возбудили уголовное дело – контракты, акты, денежные проводки и прочее.

Имея на руках такие документы, шум можно было поднимать большой. Но обнародуй я все эти факты – непременно раскрыл бы в этом случае и свой источник. Рисковать столь крупным делом, как «Мабетекс», ради других, явно уступающих ему по масштабности и значимости, мне не хотелось. Поэтому часть информации я отдал на проверку, часть отложил для дополнительного расследования. Те же материалы Туверера, которые, с нашей точки зрения, еще не были готовы для серьезной работы и требовали тщательной доследственной проверки, как, например, сделка по Марийскому машиностроительному заводу, связанная с новейшим российским оружием, мы решили основательно изучить.

Здесь, наверное, необходимо сделать небольшое отступление и объяснить читателю очень важный момент: почему я все же решился заняться расследованием дела «Мабетекса»? Почему, понимая, к каким катастрофическим последствиям оно может привести (и привело!), я не послушался уже тогда буквально кричащего в моем сознании чувства самосохранения и не запрятал это даже не горячее, а раскаленное дело в самый дальний угол моего генпрокурорского сейфа?

Итак, с формальной стороны, принимая решение о возбуждении дела «Мабетекса», я исходил из буквы закона. Сомнений, возбуждать его или нет, после возвращения из Швейцарии и встречи с Туверером у меня не было. С другой стороны, я действовал достаточно прагматично, поскольку все же где-то впереди у меня брезжила надежда, что ситуация в стране нормализуется. С приходом Примакова надежда эта стала перерастать в уверенность, поскольку он сумел создать предпосылки для политических гарантий реальной работы правоохранительных органов по громким делам. Как выяснилось впоследствии, созданных гарантий все же оказалось недостаточно, но движение в эту сторону, тем не менее, было Примаковым сделано.

Начиная работу по делу «Мабетекса», я также исходил из своего внутреннего убеждения и правосознания, что закон все же в России существует и его обязаны соблюдать все без исключения. Это не пустые слова – так меня учили в вузе, так, став доктором наук, профессором, учил своих студентов и я сам.

Пусть не поймет меня читатель превратно, но, как ни парадоксально, двигало мною еще и чувство самосохранения. Но это было беспокойство не за поставленную под удар карьеру, а за свою репутацию и доброе имя. Представим себе, что я все поступившие из Швейцарии факты скрыл, запрятал куда-то «под сукно», подальше от чужих глаз. Все в жизни течет... На мое место пришел бы новый Генеральный прокурор. И вот он обнаруживает эти документы... И что бы он сказал, увидев их?

– А почему это Скуратов не начал расследование, скрыл факты? Это злоупотребление служебными полномочиями. Пусть теперь отвечает за свой проступок перед законом! Ведь действия прокурора (как, впрочем, и судьи) прописаны законом чрезвычайно строго. Процессуально они существуют в очень жестких рамках, чрезвычайно формализованы и не дают особого простора для фантазии. Прокурор в своей работе – далеко не свободный художник и обязан отвечать за каждое свое слово.

Чтобы не быть голословным, приведу такой пример. Когда на меня начались гонения и было возбуждено уголовное дело, следователи поднимали все поручения, которые я давал и подписывал в течение последних трех с половиной лет моей работы. А это, между прочим, тысячи документов. Искали любой компромат, любое несоответствие, ошибку... Не нашли. Это был тот случай, когда я абсолютно не волновался, поскольку знал, что ни к одному из подписанных мною документов придраться невозможно.

Возбуждая дело «Мабетекса», я также понимал, что рано или поздно, скрывая их под сукном или нет, но ставшие известными мне факты все равно выплеснутся если не у нас, то где-то на Западе. И тогда множество вопросов придут уже оттуда, и на все надо будет отвечать. И как бы я после этого смотрел в глаза хотя бы той же Карле дель Понте? Она-то знала, какими фактическими материалами я располагаю.

* * *

Задним числом могу сказать, что тогда недооценил те силы, которые будут мне противостоять. Но как я мог предположить, что в деле окажется замешанным такая супермощная сила, как сам президент? Конечно, я предполагал, что Бородиным дело не закончится, что будут еще какие-то крупные, связанные с Кремлем фигуры. Но что кривая вынесет на такой вираж?... Нет, настолько далеко мои фантазии в момент возбуждения дела «Мабетекса» не залетали.

Трудная доля прокурорская... Да, я претерпел массированный «накат», травлю и унижения, меня пытались раздавить, уничтожить. Но правовая позиция у меня была железная, непоколебимая. Поэтому позднее, уже когда появились свидетельствующие против президента и его семьи документы, я дело не затормозил и следствие не свернул, хотя возможности для этого имел абсолютно все, а продолжал его наращивать. Не хочется хвалить себя, но, говоря откровенно, возбудить в те дни уголовное дело против чиновника такого уровня, как Бородин, было отчаянным поступком даже для Генерального прокурора страны. Это был открытый вызов Кремлю. Уверен, история еще расставит все по своим местам и дело «Мабетекса» не забудется уже тем, что стало одним из важнейших факторов, заставивших Ельцина уйти в отставку раньше срока.

Еще одним важным моментом стало то, что я, по сути, создал важный прецедент: впервые в стране было возбуждено дело против чиновника столь высокого ранга, а также впервые прокуратура пыталась разобраться в противоправности поступков действующего президента. Это был шаг, говорящий о становлении в России по-настоящему независимой прокуратуры.

Возбуждая это дело, я боролся даже не против каких-то конкретных персонажей, а против всего душащего нашу страну коррумпированного чиновничества, против людей, готовых ради своей корысти на любое преступление. Уже в разгар гонений на меня, столкнувшись как-то на одном из мероприятий с моими недругами, я откровенно сказал им:

– Пусть вы уберете меня, но тому решению, которое вы примете без меня, надавив на расследование и незаконно прекратив дело, никто не поверит.

Забегая вперед, скажу, что так оно, собственно, и получилось: дело Бородина у нас незаконно прекратили, в Швейцарии же его худо-бедно довели до вынесения наказания. А ведь оно могло стать образцом сотрудничества наших стран в борьбе с коррупцией.

Я искренне убежден, что и арест Бородина, и полное прекращение возбужденного против меня уголовного дела наглядно показали, кто на самом деле был прав. А ведь меня разве что рентгеном не просвечивали: искали за рубежом мои банковские счета, а также моих родственников, шикарные особняки и квартиры. Та же госпожа дель Понте ни на минуту не поверила развернувшемуся вокруг меня скандалу. Она звонила мне в больницу, когда я там лежал, отказывалась вести переговоры с кем бы то ни было, кроме меня, когда приехала в Россию во второй раз.

А ведь скандал тогда был в самом разгаре, и ей открыто говорили, что со Скуратовым ей лучше не встречаться.

Почему же Карла и другие представители закона Швейцарии уверены в моем честном имени? Почему Карла приехала в Россию на встречу со мной уже тогда, когда я был скомпрометирован, и не верила ничьим увещеваниям? Потому, что она знала истинные мотивы того, почему меня начали травить, какой убийственной силы документами я располагаю.

Но об этом чуть позже.

* * *

Итак, учетный номер для дела «Мабетекса» нами получен, и Мыщиков обрел для ведения следствия все необходимые полномочия. Сразу же на повестке дня встал вопрос о широкой выемке документов. Но прежде чем сделать это, необходимо было доложить Ельцину, поскольку речь шла о его непосредственном подчиненном. Могла возникнуть очень серьезная проблема, учитывая импульсивный характер президента и его многолетние дружеские отношения с Бородиным.

На дворе стоял хмурый и слякотный октябрь. Как раз в это время руководителя президентской администрации Валентина Юмашева заменил Бордюжа. Я неплохо знал их обоих. Бордюжа, на мой взгляд, представлял собой достаточно крепкого середнячка, и, честно говоря, у меня были вполне обоснованные сомнения: а потянет ли он на таком сложном посту при практически не работающем президенте? В сравнении с ним Юмашев был намного сильнее. К тому же, если, к примеру, Березовский и Волошин (а это люди, столь же близкие к Ельцину, как и Юмашев) по натуре – законченные циники, то Валентин Юмашев, будучи человеком этой «стаи», все же был еще способен сопереживать и сочувствовать.

Никогда не любил политику. Но, став Генеральным прокурором, я вдруг понял, что в отношениях с сильными мира сего политические нюансы играют едва ли не главную роль. То, что можно сказать одному, ни в коем случае нельзя говорить другому, и наоборот. Я прекрасно понимал, что если бы Юмашев остался на своем посту, то через него можно было бы выйти на Ельцина с предложением о продолжении расследования. Тогда мне казалось, что роль президента в сравнении с остальными фигурантами расследуемого дела совершенно незначительная. Более того, она была просто опосредованная, поскольку за валом и грузом навалившихся дел Ельцин мог просто просмотреть махинации своего управляющего делами. Все это можно было понять и, наверное, простить. Однако мы обязаны были по полной программе «раскрыть» всех остальных, в первую очередь Бородина. Но... Пришел Бордюжа, и о наших планах сразу же пришлось забыть.

Не раз меня обвиняли позднее в том, что я якобы копил на Бородина и других сановников Кремля какой-то компромат, чтобы потом использовать его в своих корыстных целях. Нет,

компромата я никакого не копил, более того, действуя строго в рамках закона, пытался о ходе расследования поставить в известность высших должностных лиц страны.

Сделать это, как ни странно, оказалось очень непросто.

Имея на руках швейцарские материалы, я несколько раз записывался для доклада к президенту. Но Ельцин болел, мои встречи с ним переносились. И тогда я поехал к Примакову.

Я ехал к премьер-министру и думал, что в данный момент вряд ли нашелся бы человек, который захотел мне хоть в чем-то позавидовать. Мы начали тогда проверку Центрального банка. Вся банковская элита во главе с Дубининым мгновенно ополчилась на меня. Солиднее банкиров найти людей непросто. Уже одних этих соперников мне вполне хватило бы, чтобы побороться. Но было еще одно уголовное дело, «покруче» этого. Мы начали расследование махинаций в крупнейшей российской авиакомпании «Аэрофлот», где основным фигурантом по делу проходил могущественный Борис Березовский, «серый кардинал» президента. Как показывало расследование, он прокручивал деньги «Аэрофлота» во все тех же швейцарских банках. Честно говоря, Борис Абрамович один стоил всех наших банкиров, вместе взятых.

Плюс к тому времени уже всплыла информация на дочерей Ельцина, что они играли на рынке ГКО. И это притом, что Татьяна в те дни уже была государственной служащей, советником президента. За несколько дней до объявления августовского дефолта, обрушившего российский рынок государственных облигаций, Чубайс «по дружбе» сообщил ей эту важнейшую и секретную информацию. Буквально за день до намечавшихся событий Татьяна Дьяченко, ее сестра Елена и некоторые другие высокопоставленные кремлевские чиновники успели поменять в банках все свои ГКО на твердую валюту, что было злоупотреблением властью в чистейшем виде. Скрывать эту информацию от премьера я тоже не имел права.

А тут еще «Мабетекс»... Все эти дела тяжелыми глыбами стояли передо мной – поистине неподъемная ноша.

О каждом из этих дел я расскажу на страницах этой книги поподробнее, а пока вернусь к встрече с Примаковым.

Премьер-министр принял меня без проволочек.

Ничего не скрывая, я рассказал Примакову и о Татьяне, и о Чубайсе. Рассказал о вице-премьере Серове, о всех шести заместителях министра финансов, о высокопоставленных работниках Центробанка, которые также играли на рынке ГКО и успели за день до дефолта обменять свои уже ставшие бумажками облигации на полновесные доллары.

Смотрю, Примаков помрачнел. А когда я ему сообщил о Бородине с «Мабетексом», он просто изменился в лице. Где-то в глубине души я его понимал: положение его в те дни уже было нестабильным, под атаками всемогущего Березовского кресло под премьером уже начало качаться.

Мы решили, что я как можно быстрее должен проинформировать о Бородине самого президента, но действовать необходимо с максимальной осторожностью. Как мне показалось, Примаков так до конца и не поверил в причастность Бородина к махинациям и, чтобы не обидеть кремлевского завхоза голословными обвинениями, посоветовал разобраться в деле более тщательно.

Вернувшись от Примакова, я попросил Мыцкого подготовить международные поручения в Женеву с просьбой провести обыск в «Banco del Gottardo» и швейцарской штаб-квартире «Мабетекса».

Глава 3 Скелеты из кремлевских шкафов

На стройке века

Обновленный Кремль сегодня притягивает к себе толпы туристов со всех стран. Реконструированные, а фактически заново воссозданные, залы поражают своей красотой и величием. Запись на экскурсию в Большой Кремлевский дворец ведется на полгода вперед. Стоимость билета – одна из самых высоких, если не самая высокая в нашей стране. Но это никого не смущает. ЮНЕСКО признало ремонт Московского Кремля самой масштабной реконструкцией XX столетия, значит, есть на что посмотреть.

Тем удивительнее, что об этой «стройке века» известно довольно мало. Особенно о ее первом этапе – ремонте 1-го и 14-го корпусов Кремля. Даже отчеты аудиторов Счетной палаты, проверявших бухгалтерские книги кремлевских ремонтников, оказались засекреченными. Видимо, полученные ревизорами сведения представляли собой государственную тайну.

Я много раз бывал в залах Большого Кремлевского дворца – и до реконструкции, и после нее. Перемены, конечно, произошли там разительные. Могу признаться, что столь быющей в глаза роскоши отделки я не видел ни в одной стране мира. А уж поверьте, я за свою жизнь поездил по свету достаточно.

Интересное исследование провели журналисты столичной «Общей газеты». Результаты, а точнее, то, что получилось из кремлевской реконструкции и как она проводилась, они опубликовали на страницах газеты.

Заняться ремонтом Кремля, как пишут журналисты, Борис Ельцин решил в конце 1993 года – сразу после обстрела парламента и принятия новой Конституции. Руководители страны справедливо решили, что состояние и внутреннее убранство кремлевских покоев никак не отвечает амбициям нового хозяина. Ну разве к лицу Борису Ельцину принимать иностранных гостей, опасаясь, что с потолка Георгиевского зала вот-вот начнет сыпаться штукатурка? А что прикажете делать с советской символикой, которая, в отличие от результатов реформ, бросается в глаза на каждом шагу? Не краской же ее в самом деле замазывать.

Художественную концепцию предстоящих работ, по свидетельству Бородин, Борис Николаевич сформулировал так: «Чтобы было державно». Подчиненные не сразу поняли замысел главы государства, и первый проект реконструкции был отвергнут как «убогий и нерусский».

Тогда Бородин собрал команду художников и архитекторов и отправился по самым знаменитым дворцам-музеям России и мира – перенимать опыт. «Я все смотрел – и Версаль, и Фонтенбло, и Букингемский дворец, – вспоминал Пал Палыч. – Но ничто мне не нравилось, а после осмотра папского дворца в Ватикане я так прямо и сказал: чистенько, но бедненько. Из этих поездок я вынес убеждение, что нужно как можно больше использовать натуральных материалов, мрамора, редких древесных пород, металлов».

У специалистов-реставраторов такой подход вызвал только горькую улыбку.

«Исторические памятники, подобные Кремлю, восстанавливать можно только так, как было изначально, не лучше и не хуже, не богаче и не беднее», – заявил директор Центральных научно-реставрационных проектных мастерских Министерства культуры России Татьяна Каменева, чьи сотрудники и проводили большую часть работ в Большом Кремлевском дворце.

Но, как говорится, «хозяин – барин». Если заказчик сказал, чтобы было «державно» и «не бедненько», значит, так и должно быть. Когда в 1994–1996 годах ремонтировали 1-й и 14-й корпуса Кремля, экспертов из Министерства культуры к фронту работ просто не под-

пустили. Марафет в этих палатах наводили скорее по понятиям, чем по науке. Перелицованный Сенат (1-й корпус) имел уже мало общего с тем, что в 1776 году спроектировал Матвей Казаков. Сенатские клерки некогда сидели в небольших, скромно обставленных помещениях, единственным украшением которых была орнаментальная живопись на стенах и на сводах. Бородинские же мастера творили в стиле ампир, не считаясь со средствами. О роскоши отремонтированных покоев можно судить по расходам на закупку мебели: сумма одного из контрактов, обнаруженных швейцарскими сыщиками, составляла чудовищную цифру в 90 миллионов долларов. Впрочем, о том, куда на самом деле ушла большая часть этих денег, мы поговорим немного позднее.

Чтобы удовлетворить президентскую прихоть, в бывшем Сенате выломали все перегородки, сняли все своды потолков, оконные проемы, паркет. Мебель, служившую Сталину, Молотову и Кагановичу, распродали, музейную квартиру Ленина перевезли в Горки. В сохранности оставили только фасад, изнутри же это фактически новое строение. Все оно выдержано в трех тонах: первый этаж – синий, второй – бордово-красный, третий – салатный. Внизу расположился «центр управления страной», уровень технической оснащенности которого, по мнению Бородина, «на порядок выше, чем в американском Белом доме». Второй этаж – представительский: зал для приемов, выставка российских орденов и медалей, небольшой театр. На третьем этаже, по замыслу проектировщиков, президент должен проводить встречи с главами государств. Там же расположился парадный кабинет со знаменитым малахитовым письменным прибором и малахитовым камином.

Ельцин лично контролировал ход ремонтных работ и неоднократно посещал объект особой важности. Пока заканчивали обустройство бывшего Сената, президентские покои размещались в 14-м корпусе. Несмотря на временный характер резиденции, ее делали не менее роскошно. Главными достопримечательностями корпуса стали представительский кабинет президента, выдержанный в зеленых тонах и разделенный надвое декоративной аркой, синий рабочий кабинет, золотистая комната отдыха, украшенная Казанской иконой Богоматери (подарок Патриарха), а также три зала – для заседаний Президентского совета, для рабочих встреч и для аудиенции «тет-а-тет».

Подбором картин и всеми художественно-прикладными работами заведовал один из самых знаменитых российских художников Илья Глазунов.

Павел Бородин сетовал, что, несмотря на потраченные миллионы долларов, многие отремонтированные помещения в этих кремлевских корпусах пустовали – не хватало средств, чтобы обставить их надлежащим образом. Сотрудники Федеральной службы охраны жаловались, что в конце 1995 года им задержали зарплату. По одной из кремлевских легенд, у президентских охранников спросили, согласятся ли они получить свое жалование попозже, чтобы управделами смогло сперва расплатиться со строителями. В ответ кремлевские гвардейцы все как один заявили, что готовы еще долго сидеть без зарплаты – лишь бы великая стройка не знала простоев.

* * *

Ремонт двух корпусов был лишь разминкой перед главной работой – реконструкцией Большого Кремлевского дворца. К этому делу в президентской администрации постарались подойти со всей основательностью. Была создана специальная комиссия Министерства культуры во главе с профессором Подъяпольским. Восстанавливать дворец решили в строгом соответствии с оригиналом – точно так, как его задумал и отстроил в 1839 году Константин Тон.

Для начала решили реконструировать два зала, которые больше всего пострадали, – Андреевский, он же Тронный, и Александровский. После 1918 года здание многократно перестраивалось. Сначала с фасада сняли двуглавых орлов и щиты с гербами. Потом над западной

террасой появилась уродливая пристройка. Апофеозом надругательства стала так называемая реставрация дворца в 1932–1934 годах, когда были уничтожены Андреевский и Александровский залы, собор Спаса на Бору и знаменитое Красное крыльцо. Примечательно, что эти работы поручили тогда заключенным тюрем. Использование рабского труда обитателей ГУЛАГа было в те годы обычным явлением: с их участием было осуществлено большинство из крупномасштабных строек того времени – Московский метрополитен, Беломорско-Балтийский канал и так далее. Руководимые архитектором Ивановым-Щицем, зеки снесли стену, разделявшую два зала перегородку, ликвидировали почти все колонны, встроили огромный балкон, изменили планировку пола, приподняв его к задним рядам. Из парадных помещений сделали зал заседаний, на месте Красного крыльца построили столовую.

Единственное, что уцелело из старого комплекса, – это Георгиевский зал. Однажды члены Политбюро, собравшиеся на очередное заседание, обнаружили на полу здоровенный кусок лепнины, который вполне мог стоять жизни двум-трем видным деятелям. В 60-е годы редкий наборный паркет был полностью уничтожен выпускниками военных академий, лихо гарцевавшими по нему со своими дамами. Тогда, в 1962-м, Георгиевский зал и другие помещения дворца на скорую руку отремонтировали, и с тех пор нога реставратора никогда не вступала в дворцовые покои. В лучшем случае вызывали слесарей-сантехников и ремонтную бригаду. А руководителям страны, принимавшим в Георгиевском зале иностранные делегации, только и оставалось, что подозрительно коситься на потолок.

Можно себе представить, что решение о полной реставрации Большого Кремлевского дворца далось нелегко. Работы требовали вложения огромных средств. В то же время средств требовали шахтеры, учителя и прочие бюджетники. Но перед всем миром нельзя ударить в грязь лицом, особенно после завершения работ в парадной резиденции Ельцина – в Сенате.

Поэтому в конце 90-х стали действовать в обратном порядке: срезали балкон, вернули пол в горизонтальное положение, вновь возвели перегородку в зале.

До последней реконструкции все «архитектурные излишества» Большого Кремлевского дворца были фальшивыми, намалеванными на фанерных перегородках – в виде фальшдверей, фальш-окон и так далее. «Вместе с тоннами фанеры реставраторы выносили из этого зала фальшь советской эпохи с ее рисованным на холсте всенародным счастьем», – писала одна из официальных газет. Подразумевалось, что теперь все излишества должны быть подлинными – такими, как в царские времена. Так оно и стало: только на позолоту ушло более 50 килограммов чистого золота. Любое отклонение от подлинника считалось браком и комиссией отвергалось.

Так, с ходу были забракованы первые образцы настенной ткани, которые прислали итальянцы. Не устроили реставраторов и итальянские люстры, выполненные для Андреевского зала: их якобы плохо прочеканили, детали выточили не совсем точно. Увидев присланное из-за границы, профессор Подъяпольский сказал Бородину, что работу с такими люстрами не примет. И хотя сроки очень поджимали, Бородин с ним согласился, и там же, в Италии, были заказаны новые люстры. На робкий вопрос: «А не лучше ли было бы все то же самое, но намного дешевле, сделать в России, благо и мастера для этого у нас есть прекрасные», – был дан предельно четкий ответ: «Раз кредит взят в Европе, то и заказы размещать надо там».

Итальянский мастер, который отвечал за лепнину, так боялся, что лепщики что-нибудь напутают, что пять ночей спал прямо на полу Андреевского зала. Кстати, ему в Москве так понравилось, что после сдачи объекта он на родину не вернулся.

Паркет для Большого Кремлевского дворца тоже делали на родине Микеланджело. Выполняли его в строгом соответствии с чертежами XIX века, ни на йоту не отступив от рисунка царских времен. С помощью специалистов по древесине определили, что для полной идентичности необходимы 23 породы дерева. Их свозили со всего света, в том числе и из Африки. Окна для дворца изготавливали в Германии, колокола для башенных часов отливали

в Голландии – в Королевской колоколо-литейной компании. Над самими часами около года корпели специалисты НИИ Часпрома.

Как искали чертежи – это отдельный вопрос. Перерыли все что можно, пока наконец в архиве английской королевы не обнаружили старый проект. Оказалось, что чертежи Большого Кремлевского дворца были некогда подарены англичанам самим Николаем I.

Всего в работах по реставрации участвовало 99 фирм. В горячие предпусковые дни стройплощадка напоминала муравейник. Одновременно здесь трудилось 2,5 тысячи человек, работали день и ночь, в три смены. Кое-что приходилось переделывать, и не по одному разу. Долго, например, не получались двуглавые орлы, закрепленные на фасаде здания взамен морально устаревшей надписи «СССР». Мастера, отлившие орлов из меди, предлагали сохранить естественный цвет металла. Когда повесили первого орла, комиссия отправилась на противоположный берег Москвы-реки – взглянуть, как это смотрится издалека. Орел с этого расстояния был похож на черного паука, сползающего с крыши. Мастерам приказали перекрасить державных птиц в цвет «дикого камня».

О масштабах реставрационных работ говорят следующие цифры: в Андреевском и Александровском залах заново восстановлено более полутора тысяч квадратных метров наборного художественного паркета, обито шелком 662 квадратных метра, по сохранившимся эскизам сделано 79 бронзовых люстр и бра. Не говоря уже о ювелирной работе, где были задействованы лучшие реставрационные коллективы Москвы и Санкт-Петербурга.

* * *

До революции в Андреевском зале стояли три трона: для царя, его супруги и вдовствующей императрицы. Их разыскивали по всей стране: один царский трон обнаружился в Петергофе, а два других – также неподалеку от Санкт-Петербурга, в Гатчине. Несмотря на всю свою влияние, Пал Пальну так и не удалось вырвать эти сокровища из цепких рук питерских музейщиков. Пришлось делать копии. После того как троны установили на старое место, стали думать, кого на них сажать. Но так ничего и не придумали – в день инаугурации Путина их на всякий случай задрапировали.

* * *

Примерная оценка стоимости реставрации Кремля – более 700 миллионов долларов... Оправдывая эти колоссальные затраты, Бородин выразился примерно так: вот, говорят, страна в нищете, а вы, мол, тратите такие деньги. Но это же Россия, великая держава. Люди будут вспоминать тут прошлое и верить, что мы справимся с проблемами.

Когда же президенту США Биллу Клинтону и канцлеру ФРГ Гельмуту Колю показали отреставрированный Екатерининский зал Кремля, у канцлера вырвалось: «И эти люди еще просят у нас денег?!»

Подрядчики по Кремлю

Так что же это за компании – «Мабетекс» и «Мерката трейдинг»? Откуда они появились на земле русской и почему оказались втянутыми в стремительно разворачивающийся коррупционный скандал?

Начать, я думаю, нужно с истории компании «Мабетекс» и ее главы Беджета Пакколи.

Пакколи родился в 1951 году в небольшой деревеньке в Косове. Вырос в бедной семье, где кроме него росло еще восемь детей. Отец Беджета был простым деревенским гончаром – лепил тарелки и чашки. Но у парня, видимо, душа не лежала к семейной профессии. Семнадцатилетним без гроша в кармане он отправился на заработки в Германию, в Гамбург, где, как писал албанский журнал «Клан», ночью работал, а днем посещал лекции в университете.

Трудно сказать, когда судьба свела Пакколи с Максом Гугтаксом, владельцем швейцарской фирмы «Интерпластика». Но, по словам самого Беджета, именно этот человек стал его учителем на всю жизнь. Талантливым учеником оказался и сам Беджет.

Первый мастер-класс Гугтакс дал своему подопечному еще в 1973 году, во времена «холодной войны». Взвесив все «за» и «против», Гугтакс решил «пробить» подряд на строительство завода шарниров для мебели по ту сторону «железного занавеса», в коммунистическом СССР. Подряд стоил 43 миллиона швейцарских франков, и было ясно, что заполучить его будет не так-то просто. Но, к великому удивлению швейцарца, на «подмазку» нужным людям у него ушло всего... несколько десятков тысяч рублей – коррупционность в России тогда только начинала делать свои первые шаги. Деньги выплачивались порциями директору будущего мебельного комбината.

Дело в итоге выгорело, но два года спустя одного из курьеров, который вез «взяточные», повязали в Москве сотрудники КГБ. Директора злополучного завода немедленно арестовали и вскоре расстреляли. Гугтаксу же запретили въезд в СССР.

Но мотор уже набрал обороты, и эта неудача нисколько не помешала предприимчивому швейцарцу заполучить новый выгодный подряд – на строительство завода стиральных машин на Урале. К тому времени Пакколи уже был правой рукой шефа, его главным поверенным всех секретов фирмы. Остепени доверия говорит тот факт, что в 1977 году Беджет становится полноправным, вместе с Гугтаксом, совладельцем «Интерпластики» – прообраза «Мабетекса».

Уже не раз приносившая компаньонам многомиллионные дивиденды система взяток продолжала совершенствоваться. Поскольку выезд за «железный занавес» для Гугтакса был прикрыт, деловые встречи с советскими партнерами проходили где-нибудь в Швейцарии, так сказать, на нейтральной территории. Естественно, фирма оплачивала и проживание гостей в шикарном отеле, и развлечения, и многотысячные, «на десерт», подарки. Нередко наезжали в офис «Интерпластики» и сотрудники советского торгпредства в Берне, увозя после приятных расслаблений навязчивые подарки гостеприимных хозяев: швейцарские наручные часы, фотоаппараты и видеомэгнитофоны.

Старания молодого махинатора и его учителя даром не прошли: вскоре русские друзья, которых они столь старательно подкармливали, стали получать у себя на родине высокие посты и должности. Перед «Интерпластикой» замаячили самые радужные перспективы – за рекордно короткое время компания сумела получить заказы на 200 миллионов франков.

* * *

Вскоре Пакколи решается на рискованный шаг. Он уходит от Гугтакса и открывает свое собственное дело. Так в июне 1990 года возник «Мабетекс». Согласно легенде, Пакколи с трудом собрал тогда необходимые 100 тысяч франков для образования начального капитала.

Зарегистрирована фирма была в Лугано, и уже через несколько лет она заняла одно из первых мест среди строительных компаний Швейцарии и примерно 70-е в Европе.

Одним из первых проектов «Мабетекса» в России стало подписание крупного контракта с директором огромного промышленно-добывающего комплекса в районе Старого Оскола, что в 700 километрах от Москвы. Затем было строительство в 1993 году по правительственному заказу крупного молочного завода в Якутске. К слову, это дело курировал Виктор Столповских, шеф московского филиала фирмы, ставший впоследствии главой другой интересующей нас компании «Мерката Трейдинг» и получивший известность в качестве одного из «казначеев» кремлевской «семьи».

Именно тогда произошло знакомство главы «Мабетекса» с тогдашним мэром Якутска Павлом Бородиным. Знакомство это вскоре было упрочено новым, успешно выполненным Пакколи заказом – строительством в Якутске детского реабилитационного центра. Уже тогда, говорят, обсуждение хода строительства мэром Якутска и главой «Мабетекса» зачастую велось в очень непринужденной обстановке.

Не могу утверждать, но к тому времени, наверное, отношения Пакколи и его российских партнеров стали «очень» близкими: еще в 1992 году в Берне, как подтвердили швейцарские юристы, против Пакколи было возбуждено уголовное дело «по обвинению в отмывании денег и недобросовестном предпринимательстве». Дело это касалось финансовых махинаций якутских чиновников, связанных с Пакколи по бизнесу. Именно тогда в офисе «Мабетекса» был произведен полномасштабный обыск, после которого бернские следователи передали заведенное на Пакколи уголовное дело в кантон Тичино.

В 1993 году Бородин становится главой Управления делами Президента России, и в его руках сосредоточиваются все имущественные дела «Империи Кремль». Пакколи начинает получать один контракт за другим: в 1993 году – обновление интерьеров Белого дома в Москве, в 1994 – Совета Федерации, в 1995 – Государственной думы, наконец, в 1995–1996 годах – работы в Кремле...

В те дни около Бородина крутилось много подрядчиков, а выбрал он именно Пакколи. И вовсе не дружба со времен Якутска здесь причиной. Просто Пакколи сумел отеснить всех.

Годовой оборот «Мабетекса» достиг тогда 1,5 миллиардов долларов. У него уже было 18 филиалов, 800 постоянных и 6000 временных сотрудников, разбросанных по всему миру. Постепенно определилась и своеобразная специализация «Мабетекса» – строительство правительственных резиденций: в Китае, Монголии, Иране, Ираке, странах СНГ. Место же России в производственных объемах «Мабетекса» дошло к середине 90-х, по словам Беджета Пакколи, до 20–30 %, а по иным данным – до 60 %.

Как утверждают эксперты, столь резкое увеличение «русского сектора» основывалось на возможности Пакколи «стимулировать» российских работодателей к предоставлению «Мабетексу» самых лучших подрядов.

Ни для кого не является секретом, что в строительстве широко практикуется система выплаты заказчикам так называемых «комиссионных». Проще говоря, той фирме, которая собирается разместить крупный строительный заказ, полагаются определенные, и совсем не малые, деньги. В строительной терминологии такие комиссионные называются «откатом», в юридической – «взяткой». В деньгах это выражается от 15 до 20 % от стоимости заказа. Если учесть, что сумма «русского» подряда оценивается порядка 600 миллионов долларов, то комиссионные должны были составить около 120 миллионов.

Механизм отката был прост: Пакколи брал основной подряд и нанимал рабочих, а большую часть денег уводил за кордон. В них были включены и его немалый доход, и отчисления в «откат». Правда, факт «отката» россиянам Пакколи категорически отрицает, но поверить в то,

что кремлевские чиновники взяли да подарили «Мабетексу» эти деньги, просто невозможно. Не думаю, что можно найти хоть одного человека, кто способен поверить в такую добропорядочность. К тому же многие факты были установлены и доказаны документально.

Так или иначе, но когда Бородин стал главным завхозом Кремля, тендер на реконструкцию этого самого знаменитого в России исторического комплекса выиграл именно «Мабетекс». Злые языки уже тогда говорили, что конкурс этот был не более чем фикцией, что победитель в тендере был известен заранее. И не только в этом тендере...

Заказы на выполнение самых лакомых строительных фантазий российских чиновников посыпались на «Мабетекс» как из рога изобилия. Среди них – контракт на ремонт Белого дома после октябрьского путча, обустройство зданий Государственной думы и Совета Федерации, реконструкция помещений Ельцина «Шуйская Чупа» и «Волжский утес». Меблировка «Бочарова ручья» в Сочи, реконструкция правительственного аэропорта «Внуково-2», гостиницы «Золотое кольцо» (бывшего «Белграда»), резиденции Ельцина в Краснойярске, где тот встречал японского «друга Рю».

Министерство внутренних дел
Российской Федерации
Национальное
Центральное
Бюро

ИНТЕРПОЛА
INTERPOL - MOSCOW

117836, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 67
Тел.: (095) 332-3033

24.04.98 № 9324/126

на № 9/2 - 1606 от 23.04.1998 г.

Начальнику
оперативного управления
ФСО РФ
подполковнику
Куликову А.М.

Наш осылочный номер: 23698/EC/71/96

В отношении фирмы "MABETEX PROJECT ENGINEERING"

В материалах НЦБ имеется информация, полученная из НЦБ Интерпола в Висбадене, о том, что в июле 1996 г. полицией г. Мюнхен (Германия) проводилась проверка в отношении немецкой фирмы "MABETEX TRADING & ENGINEERING GMBH COMPANY" (JAHNSTRASSE 11, 85356 FREISING), подозреваемой в отмывании денег. Вышеуказанная фирма зарегистрирована в Германии под рег. номером HRB 94455 как полностью независимое юридическое лицо, однако, фактически принадлежит фирме "MABETEX PROJECT ENGINEERING GROUP", главный офис которой находится в Швейцарии по адресу: SWITZERLAND, VIA CATTORI 7, 6900 LUGANO. Указанная фирма имеет свои филиалы также в Албании, России (г. Москва), Австрии, Италии, США и др. странах. Основные виды деятельности: торговля различными товарами на внутреннем рынке, консалтинг, проектно-строительные работы, строительство промышленных объектов под ключ.

Также сообщаем, что в ходе проверки, проводимой в рамках исполнения запроса НЦБ Интерпола в Висбадене в отношении немецкой фирмы "MABETEX TRADING & ENGINEERING GMBH COMPANY" и швейцарской фирмы "MABETEX PROJECT ENGINEERING GROUP", подозреваемых в связи с их возможным участием в отмывании денег в поле зрения ГУЭП МВД России попал президент вышеуказанных фирм гр-н Швейцарии RACOLLI BENJELT, 30.08.1951 г.р. Было установлено, что данное лицо регулярно посещает Россию, прибывая, как правило, на своем личном самолете. 31 марта с.г. он вместе с лицом RACOLLI AFRIM, 03.03.1966 г.р. прибыл в Москву в очередной раз, где его встречали сотрудники московского представи-

30К-1262

- 2 -

тельства фирмы. На пути следования из аэропорта "Внуково" машина фирмы была остановлена и подвергнута досмотру. При досмотре были обнаружены дипломат и мешок с крупной суммой незадекларированных долларов США и английских фунтов стерлингов.

Есть основания подозревать, что Пакколи и ранее ввозил из различных европейских стран крупные суммы денег наличными с целью отмывания их через московское представительство фирмы.

С уважением

Заместитель начальника отдела
НПБ Интерпола в России
подполковник милиции

П. П. Городов

Жз. №1 Документ 9324/126 от 24.4.98
принят 24.4.98

Оперуполном. 04 по России

 Чучов В. Е.

С подачи Кремля Пакколи захватил в свою орбиту и Казахстан, где он получил исключительно выгодные подряды на строительство самых престижных административных зданий новой столицы Астаны.

Сам же Пакколи то ли за «ударный труд», то ли в благодарность за щедрые комиссионные получил из рук Ельцина, с которым встречался и до, и после этого, диплом и звание Заслуженного строителя России.

* * *

А теперь объясните, почему реконструкцией святыни Руси – Кремля – занимался косовский албанец, иностранец? Я не шовинист, но почему иностранец должен лучше россиян разбираться, как отреставрировать наш Кремль? А мы, обладая тысячелетней культурой, имея прекрасных специалистов, не нашли другой фигуры, чтобы выполнить эту работу?

Как получилось, что именно при реконструкции Большого Кремлевского дворца произошла столь масштабная утрата народных денег? Почему пропали деньги в ходе реконструкции Счетной палаты Российской Федерации – органа, который должен контролировать законность расходования средств федерального бюджета? Вот это поражает! Что это – показатель маразма и разложения нашей страны? Деградации нашей власти? Ее продажности?.. Очень не хотелось так думать, но факты-то говорили совсем об ином.

Другой компанией, сыгравшей ключевую роль в деле «Мабетекса», стала «Мерката Трейдинг», что в переводе с итальянского и английского означает «Торговля-торговля». Учреждена она была в 1994 году Виктором Столповских, занимавшим в то время пост вице-президента компании «Мабетекс», и Агимом Джинали, доверенным лицом президента «Мабетекса» Беджета Пакколи. Новая фирма, пользуясь связями в Москве, прибрала к рукам контракты, заключенные «Мабетексом», и даже помещение московского представительства. «С тех пор у меня нет и не может быть никаких отношений ни со Столповских, ни с Джинали», – заявлял тогда Пакколи.

Действительно, как только игра пошла по-крупному, деньги потекли уже не через «Мабетекс», а через «Мерката Трейдинг», через Столповских, а не Пакколи. Причем было их намного больше, чем проходило в свое время через «Мабетекс». Складывалось впечатление, что как будто кошка пробежала между главным кремлевским подрядчиком и управляющим президентским хозяйством: отношения Бородин с Пакколи начали к тому времени резко сворачиваться.

Почему это произошло? Я вижу этому два объяснения.

Возможно, на каком-то этапе Пакколи вдруг почувствовал, что скрытый поток уплывающих из России через его фирму денег настолько расширился, что может утопить и его самого. Поэтому он благоразумно ввел в игру новую, подставную единицу – «Мерката Трейдинг», а сам тихонько отошел в сторону.

Но, честно говоря, более правдоподобно смотрится второе объяснение.

Как мне кажется, инициатива здесь исходила уже не от Пакколи, а от всесильного Управляющего делами Президента. Судя по всему, в отношениях со швейцарцами наступил такой момент, когда появилась серьезная необходимость для перераспределения за границей уже не десятков, а сотен миллионов «российских» долларов. Пакколи такую деликатную задачу Пал Палыч доверить уже не мог.

Поэтому взамен «Мабетекса» им была выбрана компания, идеально подходящая для предстоящих непростых задач. Во-первых, она вышла из недр самого «Мабетекса» и ее руководство было в курсе всех его дел. Но главным в выборе Бородин оказалось «во-вторых»: «Мерката Трейдинг» возглавлялась его соотечественниками – Виктором Столповских и... собственным зятем Андреем Силецким. Здесь Столповских имел перед своим бывшим шефом неоспоримое преимущество: муж дочери Бородин Екатерины открывал к «телу» управделами самый широкий доступ.

Как читатель прекрасно понимает, Бородину наверняка было проще договориться с ними, чем хоть и со старым знакомым, но все равно чужим ему Пакколи. Тем более что и у «Мабетекса», и у «Мерката Трейдинг» оказался один и тот же управляющий – Карло Малер. Более того, тот же управляющий оказался и у компании «Мерката Сигас», дела которой изучались в рамках другого швейцарского уголовного дела, где фигурирует Виталий Кириллов, президент «МЭС». Именно на счета «Мерката Сигас» и переводились многие миллионы долларов, полученные от продажи нефти, о чем я обязательно расскажу чуть позже.

К этой версии тесно примыкает еще одна, исходящая из близких отношений Столповских с тогдашним премьер-министром Виктором Черномырдиным.

Помню, во время летнего отпуска мы с Черномырдиным встретились в Сочи. Отношения у меня с ним всегда были очень неплохими. И вот как-то, сидя на пляже я, сам не знаю почему, спросил:

– Виктор Степанович, а не знали вы такого – Столповских?

Он никак на мой вопрос и эту фамилию не среагировал, и я больше эту тему не поднимал. Но уже к тому времени я прекрасно знал, что Столповских – земляк Черномырдина, тоже из Оренбурга, что они отлично друг друга знают. Думаю, Столповских свои связи с Черномырдиным наверняка использовал, и не один раз. Как-то он и сам об этом проговорился, сознавшись в интервью газете «Совершенно секретно», что вместе с Бородиным просил Черномырдина увеличить для оплаты кремлевских работ и без того немалую квоту на продажу нефти.

Так вот, на каком-то этапе была произведена замена кремлевского генподрядчика: Пакколи был оттеснен на второй план, а Столповских с «Меркатой» выдвинулся вперед.

О том, что «Мерката Трейдинг», заменив «Мабетекс», стала выполнять по сути функции генерального подрядчика Управления делами Президента, подтверждают по крайней мере два документа.

В списке государственной комиссии по приемке работ в Кремле, утвержденной в соответствии с указом Ельцина в 1998 году, фигурирует имя единственного представителя от строительных фирм, участвовавших в реконструкции Кремля. Это Виктор Степанович Столповских, президент «МТ Мерката Трейдинг и Инжиниринг».

Во втором официальном документе – в распоряжении президента Ельцина от 13 августа 1998 года «Об образовании государственной комиссии по приемке в эксплуатацию здания Счетной палаты Российской Федерации» – приводится длинный список фамилий, возглавляет который Павел Бородин, а на десятом месте – Столповских. Так что во второй половине 90-х годов генеральным подрядчиком суперпроектов Управления делами Президента была именно эта фирма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.